

A man with dark, wavy hair, wearing a dark blue suit jacket, a light-colored shirt, and a dark tie, is seated in a library. He is looking down intently at an open book he is holding in his hands. The library is filled with bookshelves packed with books. The lighting is dramatic, with strong highlights and deep shadows, creating a moody atmosphere. The man's expression is one of concentration and perhaps a hint of melancholy.

Дмитрий Боррони

Кто автор, а кто герой

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Дмитрий Боррони
Кто автор, а кто герой

«Автор»

2026

Боррони Д. Г.

Кто автор, а кто герой / Д. Г. Боррони — «Автор», 2026

Эта книга о том, кто из нас пишет книгу, а кто её автор. Порой мы не знаем, кто мы такие? Герои своего романа или его автор. Кто знает, всё может быть. Детективная мистика — это классика литературного жанра. Вы познакомитесь со многими героями. Одни отрицательные, другие положительные. Но кто они. Авторы своих судеб или герои своего романа, вот вопрос.

© Боррони Д. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
Пролог	6
Глава 1 Планеты и жизнь на них	9
Глава 2 Похищения	12
Глава 3 Знакомство с провинциальным секретарём Тимофеем Кондратьевичем	14
Глава 4 Мистика и убийство	19
Глава 5 Авдотья Романовна	24
Глава 6 Гора, луна и нечто	30
Глава 7 Новая жительница города Жабинка	36
Глава 8 Лекарь: Авраам Рудольфович КАТЦ	40
Пояснения к болезням глаз	47
Глава 9 От чего умерла Лидия Потапова?	48
Глава 10 О Пеллаге	52
Глава 11 Новое преступление	55
Глава 12 Купец Шульц и Марья Потапова	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Дмитрий Боррони

Кто автор, а кто герой

Вступление

– Никто не знает, что есть другой мир. Мир, который находится в параллельной вселенной. В мире, где живут такие же люди, как и мы, а может быть другие. Более развитые в своих технологиях. Тех, кто нас — людей создал. Ведь доказано, что жизнь произошла от одной молекулы, а откуда произошла молекула? По всеобщему мнению, молекула прилетела к нам из глубокого космоса. То есть из вселенной. Но кто эту молекулу запустил в долгое космическое путешествие, кое закончилось на земле, галактике, коих в солнечной системе их ровно девять.

- 1) Солнце
- 2) Меркурий
- 3) Венера
- 4) Земля
- 5) Марс
- 6) Юпитер
- 7) Сатурн
- 8) Уран
- 9) Нептун.
- 10) Плутон.

Учёные-астрофизики спорят, есть ли жизнь на Марсе? Один знаменитый учёный из комедии Эльдара Рязанова «Карнавальная ночь», герой-лектор Никодимов, которого исполнил актёр Сергей Филлипов, не знал, есть ли жизнь на Марсе; — это науке неизвестно, говорил его персонаж. Но это фильм. А в фильм-комедию. В фильме возможно всё. Даже жить на Марсе.

Последнее время американские кинорежиссёры-фантасты рассказывают в своих фильмах о жизни на Марсе. Герой попадает на Марс и пытается на этой планете выжить. Это ему удаётся, и посланная за ним спасательная экспедиция забирает его с этой планеты. Но это только кино. В реальности может быть всё по-другому. Или нет. В этой книге мы посмотрим, если жизнь помимо вне нашего мира, и есть ли жизнь на Марсе.

Мир, в котором мы живём, в это мир, созданный неким механизмом или расой людей-гуманоидов, которые создали нас ради какого-то эксперимента. Эксперимента, который закончиться, когда люди либо выживут после того, когда сами себя уничтожат, либо когда сами себя уничтожат.

Человек уничтожает себя сам. Он уничтожает сам себя, сам того не понимая. Если же понимает, то ничего не может сделать с собой, так как зомбировавала некими силами на самоуничтожение. Зомбирования одноклеточным организмом, который много лет тому назад посетил планету земля, и зародил на ней жизнь.

Но кто его послал, этот одноклеточный организм на землю? Зачем это было сделано? Кто это сделал? В этом произведении я постараюсь разобраться в этом.

Пролог

Номер планеты
Название планет
Спутники
www.wikipedia.org

1 (0) Солнце

2 (1) Меркурий

3 (2) Венера

4 (3) Земля

I) Луна

5 (4) Марс

I Фобос

6 (5) Юпитер

I) Амальгия

II) Фива

III) Ио

IV) Ганимед

V) Европа

VI) Каллисто

VII) Фемисто

7 (6) Сатурн

I) Титан

II) Кольцо Сатурна

III) Энцеланд

IV) Мимас

V) Япет

VI) Рея

VII) Тефия

VIII) Пандора

IX) Диона

8 (7) Уран

I) Пак

II) Миранда

III) Ариэль

IV) Умбриэль

V) Титания

VI) Оберон

9 (8) Нептун

I) Тритон

II) Нереида

10 (9) Плутон

Плутон

– В этой таблице показаны планеты и их спутники. Спутники те, которые известны большинству людей. Итак, давайте поразмышляем, есть ли жизнь на этих планетах с точки зрения философии. Планеты солнечной системы. Если жизнь на них. Большинство учёных умов утверждают; жизнь есть только на одной планете, планете — земля. Что ж, я допускаю, что они правы. Жизнь есть только на планете земля. ПО крайней мере та жизнь, которую мы знаем. Это звери, птицы, растения, насекомое. Конечно, это мы, сами люди. Люди, которые не могут жить без H₂O. Человек не способен без H₂O жить на иных планетах. Планетах, где нет ничего кроме хаоса. Но как же тогда стремление человека переселиться на Марс? Там нет жизни для человека, но человек стремится туда. Он хочет, нет, жаждет покорить эту планету. Планету, о которой HOLLIWOOD снял множество фильмов. Фильмов, в которых человечество показано, как бывшие жители планеты Марс желающих возвратиться назад. Назад в свой дом. Мы — люди, не берём в расчёт другие планеты, на которых может быть жизнь. Но так ли это? Может быть, человечество ошибается, и на планетах солнечной системы есть жизнь. Жизнь, которую мы не знаем. Жизнь, которая зародилась много-много веков тому назад. Ведь ни даром древние греки поклонялись богам Олимпа. В древней мифологии Олимп считается священной горой, местом пребывания богов во главе с Зевсом. На северном склоне Олимпа находился город-

святилище македонян — Дион то есть город Зевса. В древности Олимп также служил естественной границей Фессалии и Македонии.

Зевс, Посейдон, Аид, Афина, Афродита, Эрот, Геракл, Прометей, Эхо, Кефис, Нарцисс — боги Древней Греции. Кто они? Давайте разберёмся.

Итак, по порядку.

Глава 1 Планеты и жизнь на них

Итак, начнём. Зевс-громовержец-бог — он же Юпитер, пятая планета солнечной системы, и его спутники; Амальгия, Фива, Ио, Ганимед, Европа, Каллисто, Фемисто.

Эта планета была известна людям с глубокой древности. На ней есть частые штормы, молнии, полярные сияния. Немудрено, что эта планета стала в Древней Греции домом Зевса — бога молний и грома.

На планете Юпитер, по мнению учёных, не может быть жизни. Жизнь на планете, где есть; $89,8 \pm 2,0\%$ (H_2); $10,2 \pm 2,0\%$ (He); $\sim 0,3\%$ (CH_4); $\sim 0,026\%$ (NH_4^+); $\sim 0,003\%$ (HD); $0,0006\%$ (CH_3-CH_3); $0,0004\%$ (H_2O). Также имеются льды; Аммоний, вода и Гидросульфат аммония (NH_4SH).

Таблица

Состав Юпитера

%

Названия

Формула

$89,8 \pm 2,0\%$

Водород

(H_2)

$10,2 \pm 2,0\%$

Гелий

(He)

$\sim 0,3\%$

Метан

(CH_4)

$\sim 0,026\%$

Аммоний

(NH_4^+)

$\sim 0,003\%$

Дейтерид водорода

(HD)

$0,0006\%$

Этан

(CH_3-CH_3)

$0,0004\%$

Вода

(H_2O)

Льды Юпитера

Амоний

Вода

Гидросульфат Аммония
(NH₄SH)

Всё остальное можно прочесть по ссылке в первой таблице.

Но вернёмся к тому, о чём я хочу поразмышлять. Есть ли жизнь на иных планетах? Юпитер — газовый гигант, на котором, как считают учёные, нет жизни и не может быть. По крайней мере, человек на этой планете жить не сможет. Он тотчас умрёт. С этим я соглашусь. Но давайте разберёмся, сможет ли на этой планете выжить хоть какой-то организм. На этом газовом гиганте, который весит $1,9 \times 10^{27}$ кг. Средняя температура на которой достигает -180 °С. Вращается со скоростью 59,5 км/с, за 9 ч. 50 мин. 30 секунд. Так есть ли жизнь на этой планете? Планете Юпитер. О которой было экранизировано много фильмов. Один из известных фильмов Голливуда «Восход Юпитера». Давайте по порядку.

Юпитер — газовая планета-гигант, на которой властвуют штормы и молнии.

Начнём с Зевса. Зевс и Юпитер — газовый гигант солнечной системы. Есть ли на ней жизнь? Для человека на ней жизни не может быть по определению, а для бога? Древние греки поклонялись Юпитеру, как божеству, откуда пришёл Зевс. Зевс — главный бог Олимпа. Бог, которому подчинялись все древние боги Древней Греции. Его родители: Рея, Кронос, Майя.

Рея — дочь Урана и Геи.

Кронос — сын Геи и Урана.

Посейдон — Брат Зевса, сын Реи.

Теперь Аид. Аид — имеет планету под названием Плутон. Плутон — получившего своё название от бога Плутона «Греческое имя Аид». Его родители, Сатурн и Опа.

Так, или иначе все боги Древней Греции связаны с какой-либо планетой. Люди верили, что боги, живущие на Олимпе, — это божества и с других планет. Но если божества живут на планетах, на которых по утверждению учёных XX—XXI веков жизни нет, то как возможно, что на этих планетах родились боги?

Я считаю, что и на Юпитере, и на Марсе, и на Уране, а также и на всех оставшихся планетах, включая солнце и также спутник Земли, Луну. Жизнь есть на всех планетах солнечной системы. А как же её не быть, если на планетах есть «H₂O — вода, и H₂ — водород». Соответствие этих двух компонентов даёт жизнь. Учёные уже изменили своё мнение по этому поводу и изучают Марс. Говорят, что человечество когда-нибудь покорит эту планету и останется там навсегда. Что ж, это доказывает, что учёные ошибались. На иных планетах есть жизнь. Мы ищем воду и стараемся узнать, из чего состоит та или иная планета. Есть ли на ней жизнь? Можно ли жить на ней вообще?

В соответствии с этими компонентами на Марсе возможна жизнь. Жизнь, возможно, и существует на всех планетах солнечной системы. Эта жизнь бактериальная. Да, это бактерии. Мир из меньше чем одноклеточных существ. Микросущества населяют всю галактику. Все планеты солнечной системы. Всю галактику. Но если микроорганизмы живут помимо Земли на других планетах, то почему не предположить, что на всех планетах, включая Землю, на которой живут разумные организмы. Организмы, которые, возможно, умнее и развитые лучше, чем люди.

Все задают один и тот же вопрос; откуда мы? По теории Чарльза Роберта Дарвина все люди произошли от обезьяны. Обезьяна эволюционировала, и появился человек. Но недавно

учёные высказали предположение, в котором они утверждают, что человек произошёл из компьютерной программы. Человек — это компьютерный организм, который, не зная об этом, живёт жизнью, которую им запрограммировали некто из вселенной. Но кто тогда те, кто создал программу человека? Где они живут? В иных вселенных, возможно. В космосе множество галактик, и кто нас создал — загадка.

Не найдя ответ, человек сказал сам себе, когда увидел UFO: человека создали инопланетяне. Ведь есть доказательство древности, что инопланетяне посещали мир людей до цивилизации Инков и Майя.

Древнейшие цивилизации, которые обнаружили люди — это цивилизации Хаттов, Сапотек, Винча, Нок, Пунт, Норте Чико, Дильмун, Хрустальная, Эламская, Хараппская. Люди-учёные утверждают, что эти цивилизации самые древние на планете. Также они склоняются к версии, что эти цивилизации были гигантами и посетили Землю с другой планеты. Прилетели из другой галактики.

А может быть, они прилетели с соседних планет, которые находятся в солнечной системе, а потом улетели в иные галактики солнечной системы. Кто знает? Это недоказуемо. Можно выдвинуть только предположение, откуда взялось человечество, доказать это нельзя.

Также нельзя доказать, что на других планетах есть жизнь, можно только предположить. Теперь поговорим о солнце.

Солнце — это единственное светило в нашей звёздной системы, которое обогревает всю нашу галактику.

Однозначно на такой поверхности выжить просто невозможно. Это факт. Но, в солнце есть водород и кислород, а значит, жизнь на солнце, ибо в его ядре возможна. Давайте предположим, что то, что нагревает солнце до такого градуса, живёт в солнце как небывало. Ведь солнце раскалено, и не собирается остывать. Что же его раскаляет? Это, конечно, ядро — солнце. Но ядро что-то или кто-то раскаляет. Отсюда вывод; в солнце есть жизнь. Если в нём не было никакой жизни, то оно просто остыло.

Так что в космосе на каждой планете есть жизнь, с точки зрения философии. Если б на планетах не было жизни, то её не было б вовсе.

Планеты. Если на них есть жизнь, то жизнь, возможно есть параличная с землёй. Множество людей-учёных утверждают, что мы не одни во вселенной. Что есть космические дыры в параличные вселенные. Ведь и на земле множество параличных миров, которые нам ещё неподвластны нашему пониманию. Один из примеров — это снежный человек, UFO и множество необъяснимых фактов в жизни человека на этой планете. Отсюда вопрос: одни ли мы во вселенной? Откуда мы? Кто нас создал?

Глава 2 Похищения

Итак, кто нас создал? На этот вопрос не было определённого ответа у женщины сидевший на берегу реки Мухавец, что находится в городе Бресте. Она была там со своей подругой. Обе женщины смотрели в чистую воду реки Мухавец, что берёт своё начало у ручья Муха и канала Вец. Затем она впадает в Западный Буг, а затем в Вислу. Природа в этом месте была красива. Экология, чиста вода. Здесь прекрасный вид, перед рассветом и закатом. Душа радуется пению птиц. Вообще, спокойно вокруг.

Женщины сидели на берегу реки Мухавец и радовались чистоте той природе, коя сохранилась в этом мире. Этот кусочек, частичка Беловежской пуши. Частичка Беларусь. Здесь забываешь обо всём. Одна из женщин сказала, что здесь прекрасно. Затем она добавила, что если могла бы, она осталась здесь надолго, на всю жизнь.

– В чём же дело встало? — спросила вторая женщина. — Оставайтесь, если хотите.

– Не могу. — ответила женщина. — Здесь красиво. — согласилась она. — Но мне надо найти свою сестру. И пока я её не найду, не будет мне покоя на этом свете. — затем она, глядя своей собеседнице в лицо, твёрдо спросила. — Вы же мне в этом поможете? — и добавила. Ведь так.

– Конечно, помогу. — однозначно заверила её вторая женщина. — Если б я не хотела помочь, то не нашла бы Вас Ефимия. — она сделала однозначную паузу. — Вам нужна помощь. — сказала она. — И я Вам помогу. — она снова сделала паузу. — Холодает. — сказала Ира. Они посмотрели на небо, которое было уже застлано тёмными тучами, которые скрыли солнце в тёмном небе солнечного света. — Тучи застлали небо. Холодает. Скоро дождь будет.

– Да. — согласилась Ефимия. — Вы правы, Ира, скоро начнётся дождь. — Пойдёмте обратно.

– Идёмте.

Женщины, собравшись, отправились обратно в город Жабинка. Идя по тропинке через лес в город Жабинка, почувствовали, что собравшиеся на небе тучи словно изменили это место. Оно стало мрачным и унылым. Птицы затихли. Листва деревьев затихла. В воздухе появился какой-то запах. Этот запах ничем не пах. Что-то происходило, но что?

В какое-то мгновение в лесу появился яркий свет. Этот свет был небесного цвета. Но в нём не было жизни. Казалось, что он был безжизненный и пустой.

Но вот, свет пал наземь, и из него вышел человек. Он не был похож на человека. Скорее он был похож не на человека, а на пришельца из другого мира. Худое телосложение, большая голова-яйцо. Большие глаза без глазниц, выпученные наружу. Нос был, но его как бы и не было. Лишь две дырки-ноздри в самом черепе пришельца. Одежды на нём не было.

Его пол определить было нельзя. С одной стороны, у пришельца была видна женская грудь, но также и мужской, и женский половой орган тоже наблюдался в промежности меж ног.

И вот в один момент пришелиц по мгновению око приобрёл все черты женщины. Теперь он стал красивой женщиной. У неё были длинные волосы. Красивая фигура и формы.

Женщина смотрела на стоявших напротив них женщин и словно изучала их. И вот, в какой-то миг женщины потеряли сознания и упали наземь. Они почувствовали, как они оторвались от земли и словно что-то или кто-то поднимал их в небо. Затем они просто отключились.

После всего происшедшего они почувствовали, как они летят. Летят, сидя в каких-то креслах. На них были надеты какие-то контакты, подключённые к каким-то компьютером. Кто-то взял у них анализ крови, и затем одна из женщин, кажется, Ира почувствовала, что в неё кто-то вошёл. Она почувствовала, что этот кто-то дал ей своё семя. Затем она всё забыла. Забыла

всё, кроме одного. На её языке вертелось одно имя. Имя Диметрио. Это имя вертелась на её языке так долго, что не запомнить его было нельзя. После того как Диметрио дал Ире своё семя, голос в подсознании Ефимии сказал:

– Ты не будешь помнить этот миг, но тебе будет казаться, что всего этого не было. Ты очнёшься и будешь продолжать жить. Ты родишь моего ребёнка или умрёшь. Я приказываю тебе, забыть, что было с тобой. Ты всегда будешь считать, что тебя изнасиловали. Ты никогда не найдёшь меня, но я буду всегда с тобой.

Очнулись женщины, лежащие в лесу, на том же месте, откуда их похитили. Странно. Женщины ничего не помнили. Они не помнили ничего, что произошло с ними. Небо было чисто. Ярко сияло солнце. В эту секунду Ефимия, посмотрев на Иру, спросила:

– С вами всё в порядке?

Ира, растерянно посмотрев на Ефимию, сказала:

– Да, я в порядке. — затем она поинтересовалась. — Что произошло? Почему мы здесь?

Ефимия ответила:

– Не знаю. — затем она добавила. — Ничего не помню.

Вернувшись в город Жабинка, они не узнали город. Женщины увидели идущие по улице людей, которые были одеты в одежду не XXI века, а в одежду, ходившую в моде в XIX веке. Женщины не понимали, где они оказались? В каком времени и в каком месте? Ответ оказался довольно неожиданным. К ним подошёл человек и спросил, кто они такие? И откуда они взялись в таких несовременных платьях для того времени, в котором они оказались.

Глава 3 Знакомство с провинциальным секретарём Тимофеем Кондратьевичем

Итак, каким образом героини этой истории оказались в XIX веке? В этой истории уже было сказано, что на всех планетах солнечной системы есть жизнь. Но что если в каких-то этих планетах, есть измерения через которые можно перенестись в прошлое или в будущее. Это нельзя доказать. Порталы между измерениями, между прошлым и будущим центр которого настоящее. Никто не знает, откуда прилетает UFO, и через какие порталы они прилетают на землю, если лететь до ближайшей галактики Андромеды, до которой лететь 28 земных лет, а UFO долетают намного быстрее. Тут, конечно, не обошлось без портала. Вот и вернулись героини этой истории из настоящего в прошлое. Давайте посмотрим, что с ними произойдёт далее.

— Мы. — нерешительно произнесла Ефимия. Она никак не могла понять, что происходит. Она не понимала так же, как и Ира, что произошло? Каким образом они оказались здесь, в том времени, когда носили мещанские платья. — Извините, — нерешительно произнесла Ефимия, — что это за место?

Мужчина усмехнулся. — Ну скажете?! Нечто не знаете, где Вы находитесь? — он посмотрел на их платья, которые вовсе были не похожи на платья того времени. На их лица и спросил. — Я первый спросил, кто Вы такие? — он сделал паузу и задумчиво произнёс. — Извините мою дерзость, но что за одежда на Вас надета? — затем он добавил. — Сейчас 19 век. — он снова сделал паузу и удивлённо произнёс. — А Вы одеты так... — не подобрав ни единого слова, он снова спросил. — Кто Вы?

Женщины были в растерянности. 19 век. Уму непостижимо. Что вообще происходит? Как такое возможно? Что делать? Задавали сами себе и друг другу этот вопрос две женщины.

— Меня зовут Ефимия, а эта Ира. А Вас как зовут?

— Митрофан.

— Очень приятно Митрофа. — Ефимия сделала паузу, словно подбирая слова для дальнейшего разговора. — Вы правы, — сказала она, — мы нездешние.

— Откуда ж Вы явились?

— Вы не поверите... — сказала Ефимия, и на секунду умолкла. Как объяснить этому тёмному мужику, что они из будущего. В XIX веке никто не знал об иных галактиках и звёздах солнечной системы так, как знали это же в XXI веке. Все знали, что луна меняется с луной. Знали, что есть ещё планеты помимо земли. Да это знали только учёные умы, а простолудин не имел на этот счёт никакого понятия.

В это самое время в разговор вмешалась Ира. Она сказала:

— Мы приехали из-за границы. Из самбй Аранции. — она сделала паузу, затем объяснила. — Там мода такая у элиты такая стала. В Молен Руж мода пришла. — Я был в Париже — неожиданно сказал мужчина. — Видел Молен Руж в воочию так сказать, и скажу я Вам в этом Молен Руж, да и вообще в Париже такой одежды я не видал. Вы посмотрите на себя. — обличил он их. — Вы обе... мы бы во Франции и не посмотрели б на таких, как Вы. — он сделал паузу. — Проститутки и то приличней одеваются, свои прелести не показывают. А вы? Посмотрите на себя. Грудь вся напоказ и всё остальное тоже. — он сделал паузу. — Как это по Вас ещё наши бабы палками не прошлись. А то у нас это легко. — он сделал однозначную паузу. — Линчевать, конечно, не будут, а вот воспитательную работу проведут. Да что я Вам говорю, сами знаете как бабы воспитательные работы проводят, или нет? — вид у женщин был растерянный. Они не верили своим ушам. Париж, Франция, Наполеон. В каком времени они вообще находятся? — Вижу, что не знаете. — сказал Митрофан, видя, как женщины не

воспринимают его слова всерьёз. Их мысли были заняты чем-то другим. — Да что Вам знать-то, сказал он. — Там, откуда Вы явились небось и стыда-то нет. Всё напоказ, ей-богу.

Женщины снова переглянулись меж собой. Ира осторожно спросила, какой сейчас год? И услышав ответ, что сейчас аж 1816 год от Рождества Христова, и то, что правит Россией царь-батюшка Николай 1, они, тупо посмотрев друг на друга. — Такого не может быть! — что было мочи выкрикнула Ефимия. — Как такое возможно? — не понимала она. Затем сказала по французику. — Comment ca s'est passe? Pourquoi? — О. — утвердил Митрофан. И словно с иронией сказал. — Слышу родную речь. — затем он сделал вывод. — Шпионки. А ну, давайте к здешнему городничему пойдёмте. А то объяснить не можете, откуда Вы такие взялись? Платья на Вас не по моде с сшито с. — затем он предостерёг. — Да бежать-то не вздумайте. Места у нас глухие, зверь так и рыщет.

— Да уж не беспокойтесь, Митрофан. — сказала Ефимия. — Не сбежим. — затем она тяжело вздохнула. Да и бежать та некуда.

— Идёмте, дамы. — сказала Митрофан. — Хоть новый город посмотрите напоследок, прежде чем Вас в Брестскую губернию отправят. Там разберутся точно.

Ефимия заметила:

— Не уж-то Вы так хотите от нас избавиться. Мы же ничего плохого не сделали. — Может, и не сделали. — согласился он. — Но чужаки нам не нужны. Своих ртов хоть отбавляй. Да и болезни тут как тут, Вас ещё не хватало. А если Вы больны чем-нибудь? Вы же всех заразите, что тогда делать?

— Я доктор. — неожиданно сказала Ефимия. — Я могу помочь, если что.

— Вы доктор? — усмехнулся Митрофан. — Лекарь чего? «Каких наук?» — иронично произнёс он.

— Что тут смешного? — не поняла Ефимия. — Мне кажется, я ничего смешного не сказала. — Я не знаю откуда Вы? — сказал Митрофан. — Может быть, во Франции или где ещё женщины-врачи, но в России женщины только медсестры. — он сделал паузу. Мы зовём их ангелами спасения. Вы что ангел - спасение? — затем он обратился к Ире. — А у Вас, позвольте спросить, какой профессией владеете?

— Я расследую преступления. — неожиданно сказала она. Тут она захотела привести пример Мисс Марпл или Шерлока Холмса, но писатели этих произведений Артур Конан Дойл и Агата Кристи ещё не родились. Тогда она вспомнила книгу автора Уилки Коллинза «ЖЕНЩИНА В БЕЛОМ». Она вспомнила, что этот писатель родился 1824 году, а умер 1889 году. Но сейчас 1816 год. Оставался только Эдгар Аллан По, но его Ментценгерштейн был опубликован в 1832 году, а до этого он не издавался. Остальные авторы, которых она знала, писали про Короля Артура или Робина Гуда. Так что ничего не подходило. И Ира ответила. — Я считаю, что женщины так же, как и мужчины способны раскрыть преступления.

— Что ж, — иронично усмехнулся Митрофан. — скажите об этом нашему городовому.

В это самое время все трое вошли в город Жабинка.

Это был довольно небольшой город, с маленькими улицами. Дома были какие-то из дерева, какие-то из камня. Но тихо было вокруг. По улицам прогуливались дамы со своими кавалерами, вдалеке видны были Купала церкви, и где-то далеко улица, на которой стоял каменный дом. Это был дом здешнего помещика, который и построил этот город. Помещика Адольфа Трембицкого.

И вот, не прошло и получаса, как женщины сидели в полицейском участке. Это был маленький, довольно уютный участок. Здесь не пахло ещё не разбоем, ни убийством, ни другим из вон вон выходящем фактором преступности этого города. Впрочем, когда женщины шли по улицам города в полицейский участок, они увидели в жителей этого городка простых людей. Людей, которые были не испорчены властью и жадой, наживой.

У одной из стены полицейского участка стоял стол. За которым сидел полицмейстер. Статный, небольшого роста человек, в сюртуке. Увидя пришедших женщин вместе с Митрофаном, он отложил в сторону перо и нарочито спросил:

– Кто таковы?

– Да чёрт их знает, Тимофей Кондратьевич. — ответил Митрофан. — В лесу были, а как туда попали, не говорят. — он сделал паузу. — Да и одеты не по-нашему. Кто такие не говорят, и откуда тоже молчат. Говорят, из самой франции перещеголяли. Там мода такая, стало быть, стала быть стала, в Молен Руж. Да я этому не верю. В Париже моды такой даже у женщин на улице нет, а в Молен Руж и подавно.

Полисмен в звании провинциальный секретарь пристально-изучающим взглядом, смотревший на женщин, сказал:

– Что ж, пусть будут из Франции. — он сделал паузу, сказал. — Я давеча воротился из Парижа, так там такой моды нет и в помине. — он снова сделал паузу. — А в Молен Руж не был. Но точно знаю от тех кто там был, моды такой там нет. — затем он утвердил. — Нет и не было. — и встав со стула, утвердил. — Никогда. — затем он обратился к Митрофану. — Сходи за Лидией Потаповой, пушай придёт. Она-то быстро тут разберётся, кто эти за штучки изъявили здесь появиться.

Когда Митрофан ушёл, Тимофей Кондратьевич предложил женщинам сесть, и сам сел за стол. Затем он спросил:

– Как Вас Зовут?

– Ефимия Иннокентьевна.

– Ира.

– А по батюшке?

– Просто Ира.

– Понятно. — он выдержал паузу, затем представился. — Меня зовут Тимофей Кондратьевич. Я здешний секретарь.

Ира спросила.

– Значит, Вы не полисмен?

– С чего Вы взяли?

– Секретарь же. — заметила Ира. — Не полисмен. — Вижу, что Вы даже не из России-матушки. — сказал Тимофей Кондратьевич. — Если б Вы жили в России, то знали б, что секретарь — это звание провинциального секретаря полиции. Отсюда вывод, Вы не из здешних мест. — он сделал упреждающую паузу. — Откуда Вы? Кто Вы такие на самом деле? И как Вы здесь оказались?

– Это так и не объяснишь. — сказала Ефимия Иннокентьевна. — Да поверите ли Вы нам? Тимофей Кондратьевич. — А Вы попробуйте меня убедить в правдивости Вашей истории.

– Что ж, — ответила та. — Вы хотите знать откуда мы? И почему на нас такое платье. — она сделала долгую паузу, словно подбирая слова и не найдя ничего лучшего, лягнула, — Мы из будущего.

После этого признание у Тимофея Кондратьевича на лоб глаза вылезли. Затем появилась на лице недоумение, сменившись скептической усмешкой.

– Вы думаете, что я поверю в эту чушь? — он сделал утвердительную паузу. — Перемещений во времени быть не может. — однозначно заявил он. — Это нонсенс.

– И всё-таки, это так. — продолжала утверждать Ефимия Иннокентьевна. — Верите Вы в это, или нет, мы из будущего.

– И как там, в будущем? — с явной иронией спросил Тимофей Кондратьевич, отворачивая взгляд от женщин. Дело в том, что женщины были не подобающе одеты для того времени, и Тимофею Константиновичу было неудобно — неловко общаться с этими дамами. — Я вижу все Вы стыд совсем потеряли в будущем.

Женщины усмехнулись.

— Это мода такая. — ответила Ефимия Иннокентьевна. — Она начнётся в XXI веке, а мода, которая есть в России, сейчас отойдёт в забвение в 1917 году. — Что произойдёт в 17 году? — поинтересовался Тимофей Кондратьевич. — Почему мода на современные платья перестанет существовать?

— Вы действительно хотите знать, что произойдёт через 101 год?

— Вы сами первые начали, Ефимия Иннокентьевна, — сказал Тимофей Кондратьевич. — Теперь извольте говорить до конца. — затем он спросил. — Что произойдёт в ближайшее время? И почему из моды выйдет мода на современное платье. — Что ж, если желаете я Вам скажу, что Россия ещё пробудет в том виде, в котором она сейчас есть до 1917 года. Затем власть переменится, и до 1991 года России так каковой не будет. — затем она рассказала о знаменательных событиях которые произойдут в XIX веке. Она рассказала о Кавказской Войне 1817—1864 года. Строительство шоссейной дороги Петербург—Москва 1817—1834 Основание Петербургского университета 1819 русская — туретская война 1828, апр. — 1829, сен. О восстании декабристов 26 декабря 1825 декабристы. О смерти Николай I прозванном Незабвенным. Об Александре II по прозвищу (Освободитель); Александре III по прозвищу (Незабвенный). А также о Николае II и о революции 1917 года. Отдельно она рассказала о том, что 10 февраля 1837 года в России скончается великий поэт современности. А именно, А. С. Пушкин. Она сказала, что он вызовет на дуэль Эдмона Дантеса, и от 8 февраля 1837 года ранет смертельно Александра Сергеевича, а 10 февраля он отойдёт в мир иной. Услышав это, Тимофей Кондратьевич вскрикнул:

— Не может этого быть!

— К сожалению, это так. — утвердила Ефимия Иннокентьевна. — Как ни прискорбно, но эта история России.

Конечно, ещё много событий было за сто лет, но все события Ефимия хоть и помнила, но большинство их не хотела говорить.

Выслушав Ефимию Иннокентьевну, Тимофей Кондратьевич сказал:

— Да не может такого быть, чтобы так, в одночасье. — он не верил своим ушам. Не хотел верить, что Российская империя перейдёт во власть безграмотных, ничего не понимающих мужичья. — Власть не может перейти к безграмотному мужичью. — Однако это так. — сказала Ира. — Россию ждут трудные времена. А в доказательство что я права, я скажу следующее. — она сделала паузу и добавила. — Вот-вот будет отмена крепостной зависимости с 1816 по 1819 год.

— Вы думаете здесь задержаться на это время? — заметил Тимофей Кондратьевич. — Я вам не верю. — однозначно заявил он. — На днях надворный советник Роберт Карлович приедет, он разберётся, что к чему. — он сделал паузу, затем сказал. — А пока у Лидии Потаповы поживёте. Она та вам сбежать не даст. — он сделал паузу. — Где этого Митрофана носит? Давно уже должен был быть здесь.

«Чёрт побери, что за язык. — подумала про себя Ефимия Иннокентьевна. — Язык можно сломать. А вежливость та какая, пряма что ни на есть интеллигент. НЕНАВИЖУ».

В это самое время в отделение полиции уездного города Жабинка сломя голову, крестьясь, влетел на всех порах Митрофан. На его лице лица не было. Его лицо выражала испуг, и в глазах читался ужас. Он не мог говорить, только и лепетал: тама—тама. А что тама—тама, этого никто из присутствующих не понимал. Но вот Тимофей Константинович как мог, привёл Митрофана в чувства, и тот тяжело дыша провыл:

— Убийство.

— Что? — не понял Тимофей Кондратьевич. — Что за бред Вы несёте, Митрофан. Какое убийство? — не понимал он. — Где? — Убита Лидия Потапова. — ответил Митрофан. — Как сейчас вижу, сидит в кресле, за столом не дышит. Из головы кровь льётся. Смотрит на

меня, словно говорит. — Что говорит? — поинтересовался Тимофей Кондратьевич. — Разве покойники разговаривают?

— Ещё как разговаривают. — ответил перепуганный Митрофан, и посмотрев на двух женщин, показал рукой на Иру, сказал. — Вас требует. — Что? — удивилась Ира. — Как меня может требовать покойник? — с долей иронии произнесла она. — Покойники не могут говорить. Это факт. — А Вы ей об этом сказывать будите, когда увидите её сидящую в кресле, мёртвую.

— Не позорьте меня и себя, Митрофан. — сказал Тимофей Кондратьевич. — Мёртвые не говорят.

— А вот пойдёмте, и увидите, говорят ли покойники или нет. — Что за чушь. — произнёс Тимофей Кондратьевич. — Я только утром её видел. — Всё они, все они, — повторял Митрофан, смотря на женщин в странной одежде и, накладывая на себя, крестно знамя. — нечистые. Я сразу понял, как только увидел...

— Хватит. — потребовал прекратить панику Тимофей Кондратьевич. И посмотрев на двух женщин, строго сказал. — Разберёмся. — затем он спросил у Митрофана. — Говорите Лидия Потапова, померла. Говорите, что она Иру требует. Что ж, давайте пойдём посмотрим, что там произошло? Какое убийство или нет его вовсе. — он встал из-за своего стола, и обратившись к женщинам, сказал. — Едим — те со мной. До дома Лидии Потаповны тут всего ничего рукой подать можно. Митрофан однозначно заявил.

— Я никуда не поеду.

— Нет. — однозначно заявил Тимофей Кондратьевич. — Вы едете с нами. — утвердил он. — И это обсуждению не подлежит.

Глава 4 Мистика и убийство

Итак, дом госпожи Лидии Потаповны был прост, но не лишён своей напыщенной красотой. Античная мебель была проста и красива. Из красного дерева. На стенах висели картины. Одна из них был её автопортрет. В комнате было мрачно, но уютно. Закрыты шторы, догорают свечи. За столом сидит женщина. Лицо всё в крови. На столе перо, бумага. Очевидно, что-то писала.

Увидев этот кошмар, Тимофей Кондратьевич ужаснулся. Он не понимал, как это возможно? Какое чудовище сотворил такое. У кого поднялась рука на эту женщину? Он осмотрел её труп и заключил, что смерть настала от удара чем-то тяжёлом женщиной в висок.

Да, Митрофан не солгал. Лидия Потапова мертва. Её убили, но кто? Неудивительно, что Митрофану почудилось, что Лидия Потапова говорила с ним. Здесь тускло горит свет, а в свете свечей, при панике человека можно увидеть всё что угодно. Вот Митрофан в панике и увидел, то есть ему причудилось, что Лидия Потапова говорит с ним. И не просто говорит, а хочет, чтобы Ирина пришла к ней.

«Что теперь делать? — думал Тимофей Кондратьевич. — У меня нет даже толкового лекаря, а без вскрытия много не узнаешь».

В это самое время, когда Тимофей Кондратьевич изучал труп Лидии Потаповны, Ира осмотрела мельком комнату, и заметив, что под чёрным буфетом лежит какая та бумага. Она подошла к нему, и, нагнувшись взяла бумажку из-под буфета, и, посмотрев на неё, увидела написанные на ней две цифры 3 и 9. Затем она показала этот клочок бумаги Тимофею Кондратьевичу, и тот, посмотрев на эти цифры, заключил:

— Очевидно какая та бумага от бумаги оторвался этот клочок и завалился. Смотрите, Ира, бумага давнишняя, вся уже пожелтела. — он сделал паузу и добавил. — Давно здесь лежала. — По-Вашему хозяйка в своей квартире не прибиралась? Не поверю. Посмотрите на усопшую, вряд ли она была неряха.

— Вы совершенно правы. — согласился Тимофей Кондратьевич. — Лидия Потапова любила чистоту и порядок. — он сделал паузу. — Но и в чистоте можно беспорядок увидеть. Вот этот клочок бумаги тому подтверждение. — затем он сделал паузу, и потерев бумагу пальцами рук, сказал. — Одно скажу, бумага не отсюда. — затем он, задумавшись, добавил. — В нашей губернии её нет. — и, обратившись к Ире, спросил. — Где Вы её нашли?

— Под этим буфетом.

— Ясно. — Тимофей Кондратьевич, нагнувшись, обыскал под буфетом пол и приближающую к нему мебели. Но больше ничего он не обнаружил.

— Смотрите. — услышал он голос Ефимии Иннокентьевны. — У Лидии Потаповны шишка на затылки, и кажется, разбит шейный позвонок.

Тимофей Константинович, встав на ноги, спросил:

— Почему Вы так считаете?

— Она врач. — со скептической иронией весело бросил Митрофан. — Подумать только. Скоро нам, мужикам, лечить некого будет. Всех женщины вылечат. — он сделал паузу. — А вот она, — показал он рукой на Иру. — детектив. Поверить не могу, чтобы женщина преступление раскрыла. — он сделал однозначную паузу. — ЭТО НОНСЕНС.

Тимофей Кондратьевич, посмотрев на женщин, спросил:

— Это правда? Вы лекарь, а Вы детектив?

— Совершенно верно. — ответила Ефимия Иннокентьевна.

— Я лекарь, а Ира — детектив.

Услышав такую неожиданную новость, Тимофей Константинович попросил у женщин помощь, ссылаясь на недостаток рук. Затем он пообещал. — Если Вы поможете мне раскрыть это преступление, то, возможно, я разрешу остаться и поселиться Вам здесь. А за это время я проверю, говорите Вы правду или нет.

Митрофан возразил:

— Да чтоб мне пусто было. — небрежно бросил Митрофан. — Чтобы бабы дело раскрыли и врачами были, это ничто иное, как нонсенс.

— Хватит. — сказал Тимофей Кондратьевич. — Митрофан, что это такое? Мы все же Русские люди, и ругаться Вам Митрофан не пристало. — затем он потребовал извинений перед женщинами. — Откуда бы они ни были, их принижать самое последнее дело. — затем он добавил. — Принижение — это удел слабых.

— Я не слабак. — тотчас же отпарил Митрофан и тотчас добавил.

— И никогда таким не был.

— Тогда соизволите извиниться.

— Извините.

— Да что уж там. — сказала Ефимия Иннокентьевна. — Все мы люди.

— Да неужели?!

— Точно.

— Ну всё, — вмешался Тимофей Кондратьевич, — хватит. Потом выясните отношения. — затем он обратился к женщинам. — Вы согласны с моим предложением?

Женщины согласились, а Митрофан ворчал. Ему не нравилось, что эти две женщины, которых он привёл из лесу, и которые не могли объяснить ни откуда они, ни как они тут оказались. Насупившись, он пообещал, что будет следить за ними, но не мешать.

— Хорошо. — согласился Тимофей Кондратьевич, и, обратившись к женщинам, поинтересовался. — Вы согласны на эти условия?

— Да. — ответила Ира, переглянувшись с Ефимовной Иннокентьевной. — Мы согласны.

— Хорошо. — сказал Тимофей Кондратьевич. — Значит, решили. — он сделал паузу и, посмотрев на женщин, на их одежду, сказал. — Теперь надо Вас приодеть, а то в таком платье извините меня, Вы выглядите хуже, чем падшие женщины. И ещё надо найти Вам жильё. — затем он поинтересовался. — Вам найти два отдельных жилья или Вы хотите жить в одном доме?

Женщины снова переглянулись. Они не знали, как сказать Тимофею Константиновичу.

— Как Вам будет угодно. — ответила Ира.

— Конечно, — сказала Ефимия Иннокентьевна, — если найдётся дом, где нас поселят вместе, — осторожно сказала она, — то хотелось бы, чтобы комнаты были отдельные.

— Разумеется, — почтительно сказал Тимофей Константинович, — понимаю.

— Что ж, — сказала Ира, полная решимости, приступить к делу. — Давайте осмотрим место преступления. — Давайте. — согласился Тимофей Кондратьевич, при этом отправив Митрофана к Авдотье Романовне, которая разбиралась в платьях, и была хозяйкой магазина женского платья.

— Для начала давайте поймём, — начала Ира, — как преступник попал в дом.

— Я с Вами совершенно согласен. — Тимофей Константинович был солидарен с Ирой. — Надо понять, впустила Лидия Потапова своего убийцу в дом сама или он влез в дом через окно или взломал дверь. Если его впустила Лидия Потапова, — продолжал рассуждать, то она знала убийцу, — в этом случае они были знакомы. — он сделал паузу, и обратившись к Ире, уточнил. — Это так.

— Совершенно верно. — ответила Ира. — В этом случае Лидия Потапова была знакома со своим убийцей.

– Если же замок был повреждён, — продолжал анализировать Тимофей Кондратьевич, значит, Лидия Потапова не знала убийцы. — Или убийцу она знала, — высказала своё предположение Ира, — но он застиг её врасплох. — затем она сказала. — Преступник хочет, чтобы мы в этом случае подумали, что Лидия Потапова не знала своего убийцу, хотя всё наоборот.

– Возможно, Вы и правы. — согласился Тимофей Кондратьевич. — Возможно, преступник хочет, чтобы мы так и думали. — он сделал паузу. — Ну ладно. — сказал он. — Я пойду посмотрю входную дверь, а Вы поищите в доме какие-нибудь улики следа этого преступления.

Когда Тимофей Кондратьевич ушёл, Ефимия Иннокентьевна спросила у Иры:

– С чего начнём?

– Для начала надо понять, откуда появился преступник, а затем понять, куда он делся.

Тишина. Женщины стояли посередине комнаты и осматривали её. Мрачный свет свечей освещал и без того унылую комнату. Сейчас женщины почему-то почувствовали жидкий холод, который присутствовал в этой комнате. Какая-то неосязаемая жуть витала над ними. Если бы они сейчас были в двадцать первом веке, то подумали, что они попали куда-то, где живёт жуть и страх. А где живёт страх? Страх живёт в самом человеке. Чем больше боится он, тем сильнее становится его страх перед нечто. Нечто таким, что может сожрать человека изнутри. Сожрать, не оставив от него ничего, только пустую оболочку его страха.

В какую-то секунду их взгляд упал на сидящий в кресле за столом Лидию Потаповну. Женщины замерли. Замерли они не потому, что их взгляд упал на Лидию Потаповну, и не потому, что в этой комнате было жутко не по себе. Они замерли потому, что им на секунду показалось, что Лидия Потапова не мертва. Она просто сидит за столом и смотрит на двух пришедших к ней женщин. Она смотрела на них и хотела, что-то сказать. Но что сказать, этого они не понимали. Тогда она обратила свой взор на одну из картин, и показав на неё рукой, прямым взглядом посмотрела на двух женщин, и ели слышно произнесла. — Там. — Затем она встала из-за стола, при этом её тело так и оставалось неподвижно сидеть в кресле, за столом. И подойдя к картине, прошептала. — Это там. — Она посмотрела на женщин и тихо попросила. — Снимите картину.

Ира медленно направилась в сторону женщины-призрака стоящей у картины. Да, это зрелище было достойно похвалы. Не испугаться мертвеца, женщину призрака, которая просит о помощи, — это что-то. Хотя призраки живут с нами, и бояться их так же, как и мертвецов глупо. А вот уважать их достойно уважения.

Итак, Ира подошла к женщине-призраку, и та, посмотрев на неё, сказала:

– Я когда-то была в этой комнате.

Ира, посмотрев на картину, увидела написанный маслом портрет молодой женщины. К её глубокому удивлению, эта женщина была точь — в — точь похожа как две капли воды на неё саму. На саму Иру.

– Не удивляйтесь, — сказала женщина-призрак. К чему удивления, если Вы сами удивлены. — она, сделав паузу, сказала. — Вы так и не знаете, почему Вы здесь?

В это самое время к портрету подошла Ефимия Иннокентьевна, и, посмотрев на портрет, воскликнула:

– Не может этого быть! Вы словно сёстры.

– Я сама в шоке. — сказала ничего не понимающая Ира. — Этого просто не может быть! — не верила она. — Это просто нонсенс.

– Это не нонсенс. — сказала женщина-призрак. — Это Ваш портрет, Ира. — она сделала паузу и сказала. — Сегодня ночью я видела на небе непонятное явление. — начала она свой рассказ. — Мне показалось, что небеса разверзлись, и в небе образовалась большая воронка, из которой вышел луч чистого света, из которого появились два тело. — она сделала паузу. — Очевидно это Вы. — сказала она. — Я не знаю, зачем Вы здесь, и не знаю, что произойдёт. Я

знаю одно. Мой убийца убил меня из-за того, что я видела сегодня ночью. — она сделала паузу. — Кто-то ещё вылез из этой воронки, и этот, кто-то не хочет, чтобы кто-то узнал об этом.

Выслушав женщину-призрака, Ира поинтересовалась:

— Вы видели Вашего убийцу? — Видела. — Вы его знаете? — Нет. — Описать можете? — Нет. — ответила Лидия Потапова, она же женщина-призрак. — Он был в темноте. — сказала она. — Только глаза были алыми. Они источали ужас и как будто бы они были не из этого мира. Это всё, что я хотела сказать. Осмотрите квартиру. Откройте окна, что-нибудь и найдёте. — она сделала паузу. — Но мой Вам совет, прежде чем приступить к поиску убийцы, Вам надо переодеться. — Последний вопрос. — сказала Ефимия Иннокентьевна. — Где орудие Вашего убийства? — У убийцы. — ответила женщина-призрак, растворившись в воздухе. И лишь отголосок его голоса донёсся до женщин. — Оно у убийцы.

В это самое время в комнату вошёл Тимофей Кондратьевич. Увидя, что обе женщины стоят недвижимо напротив стола, за которым сидела покойная Лидия Потапова. Они смотрели на покойную словно заворожённые.

— Эй. — тихо окликнул их Тимофей Кондратьевич, с Вами всё в порядке?

Придя в себя, женщины тупо посмотрели друг на друга, словно не понимая, что произошло? Затем они посмотрели на покойную Лидию Потаповну и затем на стену, на которой они видели картину. Картины не было на месте. Ничего не понимающая Ира подошла к стене, на которой висела картина, и, посмотрев на стену, обнаружила, что картины на месте нет. Вместо неё она увидела только очертание рамки, в которой очевидно и висела картина. Ира повернулась к Тимофею Кондратьевичу и сказала:

— В от и улика. Тимофей Кондратьевич, пожалуйста, подойдите сюда.

Тимофей Кондратьевич, подойдя к стене, у которой стояла Ира, увидел, что на этой стене висела не так давно картина.

— Очевидно, — предположила Ира, — преступник приходил за этой картиной. — С чего такая уверенность? — Смотрите, — продолжала Ира, видя, как Ефимия Иннокентьевна подходит к ним. — Если эту картину сняли бы со стены давно, то на этом месте было видно только очертание этой картины. Но видите, — показывала она на стену и на то место, где висела картина. — Стена здесь и здесь отличается друг от друга. Стена более тусклая, а место, на котором висела картина светлая.

— Вы правы. — согласился Тимофей Кондратьевич, посмотрев на стену. — Стена различается. Очевидно, на этом месте действительно висела какая-то картина. — Что ж, — сказал он. У Лидии Потаповны были картины, которые она купила во Франции. — он сделал паузу и добавил. — Большинство из картин, которые она привезла из Парижа в Россию, — это портреты её родственников и её самой. — он сделал паузу. — Правда, были и пейзажи. — он, сделав паузу, добавил. — Но где они? — развёл он руками. — Это никому не известно.

Ира тотчас же поинтересовалась:

— Лидия Потапова была француженкой? — Нет. — ответил Тимофей Кондратьевич. — Лидия Потапова была Русской женщиной. — он сделал паузу. — После войны с Наполеоном, — продолжал он. — Лидия Потаповна поехала в Париж, чтобы привести в Россию своего мужа, который пострадал на той войне. — затем он сделал паузу и добавил. — Там она встретила художника по фамилии Жан-Жак ДеБрилье, и тот нарисовал несколько картин специально для неё. — он, снова сделав паузу, добавил. — говорят, что один портрет, который Жан-Жак ДеБрилье, это портрет её дочери, которую она потеряла много-много лет тому назад. — он снова сделав паузу, добавил. — Говорят, что она сначала нарисовала портрет на бумаге, а потом Жан-Жак ДеБрилье перенёс портрет на холст.

Выслушав внимательно Тимофея Кондратьевича, Ира осторожно поинтересовалась:

— А где супруг Лидии Потаповны?

— К сожалению он умер. — ответил Тимофей Кондратьевич и добавил. — От тифа.

– Понятно.

Пауза немного затянулась. Сказать было можно много, а, впрочем, нечего. Что тут скажешь? Все умерли.

– Скажите, — спросила Ира. — А были ли у Лидии Потаповны дети? — Этого я не знаю. — ответил Тимофей Кондратьевич. — Может быть, и были, мне это неизвестно. — Что ж, — сказала Ира. — с этим надо разобраться. — Затем она спросила.

– Тимофей Кондратьевич, а что с входной дверью?

– Её никто не взламывал. — сказал он. — Своего убийцу Лилия Потапова впустила в квартиру сама. — затем он сделал вывод. — То есть она его знала.

– И кто по-Вашему это мог сделать?

Все трое переглянулись друг с другом, словно уже зная ответ.

– Он обнаружил труп и сообщил Вам об этом. — сказала Ира.

– А его испуг? — Это игра. — ответила Ефимия Иннокентьевна. — Игра, чтобы мы поверили, что он не виновен.

– Господи! — не поверил он своим ушам. — А я его к Авдотьи Романовне отправил. — корил себя он. — Сбежит.

– Кто сбежит? — услышали они голос Митрофана, вошедшего пару минут тому назад в комнату и всё это время слушав обвинения и предположение Тимофей Кондратьевича и Иры в его адрес. — Я никуда не собираюсь бежать. — сказал он. — Я никого не убивал. — однозначно заявил он.

Тимофей Кондратьевич посмотрел на Митрофана. — Я никого не обвиняю. — сказал он. — Просто на дверях замки целы были, а Вы...

– Когда я пришёл к Лидии Потаповне, дверь не была заперта на ключ. — пояснил он. — Я вошёл так же, как и сейчас, в открытую дверь. — затем он, сделав паузу, добавил. — Наш город новый, полисменов нет, только Вы да я Тимофей Кондратьевич, больше никого нет.

– Да. — согласился Тимофей Кондратьевич. — нас только двое. — он сделал паузу. — Вот скоро, на днях надворный советник Роберт Карлович приедет, он и городничего, и околоточного надзирателя и прочих полисменов привезёт. А пока, — он сделал однозначную паузу, — нам самим надо разобраться, что к чему.

– Это верно. — согласился Митрофан. — Надо разобраться. — затем он обратился к Ире. — Вы больше ничего не обнаружили, пока я отсутствовал?

– Нет. — призналась Ира. — Впрочем, чтобы здесь посмотреть улики, есть ли они тут, то надо мне по крайней мере час или два.

– А мне, чтобы понять причину смерти Лидии Потаповны, — сказала Ефимия Иннокентьевна, — надо отдельный кабинет и хирургические инструменты. — Но прежде Вам стóит одеться подобающе. — сказал Митрофан. — Я был у Авдотьи Романовны, — сказал он. — Она ждёт Вас у себя в магазине.

Глава 5 Авдотья Романовна

Итак, теперь давайте перенесёмся в магазин Авдотьи Романовны. Эта была женщина-модница. Вся её жизнь была проведена за прилавком магазина моды. Начиная от простой продавщицы, она открыла свой магазин моды, и вскоре о ней услышали во всей России. Её платья пользовались успехом. Она предлагала не только платья из-за рубежа, но и Русские сарафаны для простонародья.

Постучав в дверь магазина Авдотьи Романовны, Ира и Ефимия Иннокентьевна ещё не знали, что произойдёт дальше. Они думали, что Авдотья Романовна даст им платья, которые они надели б, чтобы не отличаться от здешних жителей, и на этом всё было кончено. Но нет, они ошибались.

Войдя в магазин, они увидели стоящую за прилавком женщину. Приветливую и на вид, казалось, добродушную женщину. Что ни говори, продавцы в таких магазинах должны располагать к себе, нежели отталкивать от себя покупателей. Посмотрев на пришедших к ней в магазин женщин, она, увидев их наряд, наложила на себя крестно знамя и подумала; «от куда они пришли? В каких краях так одеваются?». И тут вспомнив о Митрофане, который полчаса назад был у неё в магазине, и сказал, что Тимофей Кондратьевич просит одеть двух женщин, которые прибыли издалека, и которые задержатся в их городе, она натянула на себя улыбку, полную иронии, спросила, что женщины желают? Она, конечно, знала ответ на этот её вопрос, но из чувства такта и присущей ей вежливости она спросила о том, какой фасон платья они предпочитают носить.

Ира изумилась. Она смотрела на эту женщину и не могла поверить своим глазам. Дело в том, что она как две капли воды была похожа на Светлану. Её мать в той жизни, в том измерении временного пространства, из которого они с Ефимией Иннокентьевной пришли в этот мир. Мир, который был непонятен для них обеих.

– Извините. — начала Ира. — Нам надо видеть Авдотью Романовну. — сказала она. — Она нас ждёт.

– Авдотья Романовна — это я. — ответила женщина. — Но я Вас не жду.

– Разве Митрофан не предупреждал о нашем приходе? — удивилась Ира. — Странно. — сказала она. — Мы думали, что Митрофан скажет Вам о нашем приходе, и о том, что Тимофей Константинович в курсе, что мы придём.

– Извините, как Вас зовут?

– Меня зовут Ира, а рядом со мной Ефимия Иннокентьевна.

– Ах да. — неожиданно сказала Авдотья Романовна, словно вспомнив, что Митрофан действительно приходил к ней в магазин, но из-за дел, кои навалились на её голову в этом магазине, она как бы запамятовала, что к ней должны прийти покупательницы. — Меня Митрофан попросил от имени Тимофей Кондратьевича. — она вышла из-за прилавка. Одетая подобающим образом в платье XIX века, которое скрывала достаточно на первый взгляд большую грудь, и подол платья был длин, так что ноги тоже не были видны. Длинные рукава, всё говорило о том, что эта женщина была строгих правил в моде.

Теперь наконец давайте посмотрим, в какие платья были одеты Ира и Ефимия Иннокентьевна. Для начала можно с уверенностью сказать и подчеркнуть, что мода XIX века и мода XXI века непохожа даже издали друг на друга. Мода XIX века ушла в лету. Длинные платья с длинным подолом давно уже не в моде. Вместо строгих платьев в моду вошли платья, которые ничего не прикрывают. Грудь напоказ. Декольте... можно только промолчать, до какого бесстыдства вошло в моду декольте лишь при — прикрывающей женскую грудь. Подол платья исчез вовсе. Лишь ягодицы прикрыть, и если сядешь на стул, и не положишь ногу на ногу, то

нижнее бельё, если оно надето, будет видно. А если нет... А ещё возмущаемся, что насилуют нас. Да как же не насиловать, если сами просим.

Вот такие платья были надеты на женщинах.

Изучив их платья, Авдотья Романовна с любопытством и в то же время с чувством глубокого возмущения перед такой модой, бросила:

— В каком же месте мода дошла до такой ручки, что извините меня, все женские прелести как напоказ будут? — затем она не удержалась и с сарказмом в голосе сказал. — небось такой наряд только для ночных прогулок и подходит. А что, ночью всё равно не видно, а... — тут она сдержалась, чтобы не ляпнуть ещё что-нибудь такого, о чём она потом пожалеет. Затем она добавила. — Царь — Пётр бы в гробу перевернулся. — она сделала паузу и снова поинтересовалась. — Всё же, откуда Вы к нам пожаловали?

Ефимия Иннокентьевна сказала:

— Из Франции. — похвалилась она. — Из самого Парижа.

— Стало быть, Бонапарт, а также Людовик 18 довели Францию после сокрушительного поражения Наполеона, — иронизировала она, — довели французскую моду до ручки. — она иронически усмехнулась. — Да что говорить, ни за что не поверю. — она снова посмотрела на платья женщин и сказала. — Видимо, там, где такие платья носят плохо со всем, если Вы оттуда к нам пожаловали в гости. — Вы совершенно правы. — согласилась Ира. — В нашем мире жизнь совсем иная.

— Вы сказали, в нашем мире? — уточнила Авдотья Романовна.

— Это как? — не поняла она. — Что Вы имеете в виду?

— Там, откуда мы пришли, — сказала Ира, — всё иначе. — она сделала паузу. — Мы даже разговариваем иначе. — она снова сделала паузу. — Но откуда мы, этого я сказать не могу. — Понимаю. — ответила Авдотья Романовна. Она на секунду задумалась. — Видимо, Вы пришли из чёрной дыры, коя была сегодня ночью над нашим городом. — она снова сделала паузу. — Ну ладно, — сказала она, — об этом потом. Сейчас мне надо одеть Вас подобающе нашему времени. — она подошла к платьям, висевшим в магазине, и посмотрев на них, справилась о размере одежды женщин.

Женщины не сразу нашли для себя подходящие платья. Можно их понять, они не привыкли носить такие платья, кое шили в XIX веке. Как уже было сказано в этой истории, и это факт века, что мода XIX века совсем непохожа на моду XXI века. Её можно было бы сравнить с модой XX века — его середины. Когда у женщин всё было скрыто под одеждой. Но сейчас?! В XX веке, это просто неуважение к самой себе как к человеку, но и как к личности в целом.

Многие платья были им просто неудобны, что касается корсетов, и отсутствие лифчиков, это был для обеих женщин просто кошмар.

Но всё же Авдотья Романовна не была бы Авдотьей Романовной, если не смогла бы одеть покупательниц. После того как Ира и Ефимия Иннокентьевна перемерили аж по 4 раза, обеим женщинам удалось выбрать те платья, которые говорили им, что это мы и есть, те платья, кои Вы так долго искали. Недаром истина глаголит; «НЕ ЖЕНЩИНА ЖЕЛАЕТ ПЛАТЬЯ А ПЛАТЬЯ ДЕЛАЮТ ЖЕНЩИНУ». Эта истина прошедшие через века и дошедшая до наших дней.

«Наконец-то. — вздохнула с облегчением Авдотья Романовна. Она уже была готова, что эти две женщины перемеряют её магазин ещё раз 10 или 20. Но вот чудо! Нет, это действительно было чудо. После пяти часов примерки наконец всё было кончено. — Я думала, что эти две женщины никогда не подберут себе платья. — подумала она. — очевидно, там, откуда они появились у продавщиц женской одежды, должно быть, у них адское терпение».

И только она подумала об этом, как Ефимия Иннокентьевна сказала:

— К этим платьям нужны туфли. — затем она спросила. — Где у Вас обувной магазин?

«ГОСПОДИ! — взмолилась Авдотья Романовна. — Туфли. — она на секунду задумалась. — А к ним снова платье, если подойдёт — хорошо. — она сделала паузу в своих размыш-

лениях. — А если нет?! — подумала она, что ад, в который она попала, только начинается. — ЗА ЧТО!». Авдотья Романовна упала в обморок.

Придя в себя, она посмотрела вокруг в надежде, что женщины, которые были в магазине, это был лишь только сон. Но это был не сон, а кошмар. Две женщины, склонившись над ней, привадили её как могли в чувство. Впрочем, придя в чувство, Авдотья Романовна тотчас же чуть слышно произнесла. — Ну что, Вы закончили со своим гардеробом или... — спросила она в ужасе, страшась ответа этих двух женщин. — нет? — затем она поднялась с пола и сказала. — Не знаю, как у вас, а у нас столько примерять платья считается дурным тоном. — она, сделав паузу, добавила. — Мы выбираем платье и примеряем его по своему размеру. А Вы посмотрите, — упрекала она женщин. — Весь мой гардероб перемерили. Все платья товарный вид потеряли. Вот что я своим покупательницам теперь предложу? Тряпки — тряпки и есть. Кто их теперь купит?

Ефимия Иннокентьевна посчитала себя оскорблённой. Ей ещё никто и никогда не говорил, что она в магазинах плохой шопинг. Наоборот, шопинг был отличный, а примерка одежды никого не касалась. Ну — это, ну — то платье понравилось, почему не примерить? Всё равно в цену входит. Тряпка она и есть тряпка. Но не здесь. Здесь мода и её стандарты строги не только перед продавщицей, но и перед покупательницами. Примерять весь магазин был дурной тон.

— Мы обещаем, что всё здесь приведём в порядок. — заверила Авдотью Романовну Ира. И словно в своё оправдание добавила. — Мы с Ефимией Иннокентьевной никогда не носили такие платья, и нам хотелось...

— Я понимаю. — не дала закончить Ире предложение. — Женщины всегда хотят иметь лучшее в своём гардеробе. — она сделала паузу и заключила, словно подчёркивая. — Но всё же перемерять весь мой магазин не стоило.

— Женщины всегда интересовались модой. — сказала Ефимия Иннокентьевна. — Мы женщины, всегда были и остались модницами.

— Но какими? — словно в упрёк сказала Авдотья Романовна. — Посмотрела на Вашу моду, жуть берёт, да и только.

О моде можно спорить бесконечно, всё равно моду не переспоришь. Платья времён царей отошли в прошлое, настала время совсем иной моды. Моды, которая даёт нам полную раскованность и в то же время полное бесстыдство. Кто знает, может в XXII веке люди вообще откажутся от одежды, и возвратятся к временам Адама и Евы. Нудизм — понятия относительное.

Давайте продолжим эту историю и посмотрим, что делают сейчас три женщины.

После того как Авдотья Романовна одела двух пришедших к ней дам, она предложила им чай. Впрочем, она ни так хотела пить с ними чай, как узнать, откуда они пришли?

— Мы из далека. — сказала Ира. — Наш дом ни здесь.

— А где же? — удивлённо спросила Авдотья Романовна. — Ведь, как ни крути, Вы родились так же, как и я на этой планете. — она сделала паузу. — Вы сказали, что Вы из Парижа, но я точно знаю, что там за такие наряды женщины на площади Бастилии на показ всего чистого люда показали, и, я думаю, тамошние дамы в долгу не остались, быстро на место поставили и модниц, и кутюрье. — она сделала паузу. — Всё же, откуда Вы?

Женщины переглянулись. Они, конечно, могли сказать, что они издалека. Из другого времени, но как это сказать? Скажешь, за сумасшедших примут. — Мы не можем точно ответить на Ваш вопрос. — сказала Ира. — Боюсь, Вы не поймёте.

Ефимия Иннокентьевна усмехнулась:

— Вы считаете меня дурой? — сказала она. — Считаете, что я не пойму, откуда Вы здесь появились? — она сделала однозначную паузу. — Да об этом весь наш городок глаголит.

— О чём глаголет? — поспешно спросила Ира. — Что Вы имеете в виду

— Я сегодня вечером видела, — начала осторожно свой рассказ Авдотья Романовна. — Как небеса разверзлись и в небе возникла какая-то, словно воронка, из которой стреляла мол-

ния. — она сделала паузу и перекрестившись продолжила. — Страсть та же какая. — она, снова сделав паузу, продолжала. — Мне в какой-то миг показалось, что из этой воронке спустилось нечто. — она снова сделала паузу. — Я не знаю, что это было на самом деле. — сказала она. — Но, это, с позволения сказать, нечто выглядело ужасающе страшно. — она снова перевела дух. — Словно дьявол спустился с небес, скажу я Вам. Глаза алы, на голове рога, а на спине крылья. Что ни говори, дьявол он и есть дьявол.

– А как Вы его разглядели? — спросила Ира. — Ведь было темно?

– Вы ошибаетесь. — сказала Авдотья Романовна. — Эта ночь была светла, а когда на небе появилась нечто, то он был виден в свете лунного света. — она сделала паузу. — Мне даже показалось, что он специально показал себя в лунном свете матушки луны. Он хотел возвестить о своём пришествии.

После этого рассказа Авдотья Романовна была словно не в своей тарелки. На её лице был виден неподдельный ужас. Казалось, что Авдотья Романовна до сих пор видит эту картину. На небе гром и молния. В небе появилась воронка, из которой возникло нечто. Нечто, что по словам Авдотьи Романовны напоминало дьявола. Впрочем, есть же пословица; «страх силу отнимает». Можно сказать и так; «страх силу отнимает, а воображения прибавляет». Видела ли Авдотья Романовна то, о чём только что говорила, или это было её воображение. Вспомним покойную Лидию Потапову, которая сказала Ире, что видела три, а не одного существа, вышедшей из этой воронки, и она была мертва в отличие от Авдотьи Романовны, которая почему-то видела только одного существа, вышедшего из этой воронки и к тому же показавшегося в лунном свете именно ей. Ведь Лидия Потапова не видела этого существа, только мелкие его очертания.

Авдотья Романовна нарочито поинтересовалась:

– Вы случайно не из этой же воронки к нам в город прибыли? — она была уверена, что женщины скажут; «да». Они из этой же воронки, в которой Авдотья Романовна видело нечто.

Но она ошиблась. Ира сказала:

– Мы не оттуда. — она сделала паузу. — Мы не знаем сами, как мы здесь оказались. — сказала она. — Мы пришли в себя у реки... — не зная, как называется эта река, Ире почему-то стало неловко.

– Вы должно быть имеете в виду реку Мухавец. — сказала Авдотья Романовна, видя, что Ире стало почему-то неудобно перед Авдотьей Романовной. — Должно быть, её. — утвердила неуверенно Ира. Она сделала паузу. — Если иных рек вблизи этого города, — сказала она, — то это она река Муховец. — на секунду она задумалась. — Хотя, — предположила она, а, затем посмотрев на Ефимию Иннокентьевну, сказала. — Возможно, существо, которое Вы видели, он принёс нас на землю. — Очень может быть. — согласилась Авдотья Романовна и предположила. — Он спустился и на земле остался. — она, сделав паузу, добавила. — Митрофан, когда ко мне приходил сегодня, сказал, что в город приехали две дамы, это как я понимаю, Вы. Так вот, помимо просьбы подобрать Вам платья, что входит и так в мои обязанности не только как продавца, но и хозяйки этого магазина, — она сделала паузу, — он ещё сказал, что одна из них, то есть из Вас лекарь, а другой детектив. Это так?

– Совершенно верно. — подтвердила Ира. — Я — детектив, а Ефимия Иннокентьевна лекарь. — она, сделав паузу, спросила. — А в чём собственно, дело?

– Странно. — сказала Авдотья Романовна. — В наше время женщина-лекарь — это нонсенс. В лучшем случае патронажная сестра или сестра милосердия. — она, снова сделав паузу, добавила. — А что касается Вас, Ира. Вы детектив. Это просто из ряда вон. — Ни так уж из ряда вон выходящем. — сказала Ира. — В России права женщина получит, не удивляйтесь какой год я сейчас скажу Вам. — она сделала паузу. — В 1906 году от Рождества Христова, женщины получают право голоса и свободу не только в избирательном праве, но и во всём остальном.

Женщина станет свободной от крепостного права своих мужей. Мужей, которые не позволяли им ничего, кроме того, чтоб сидеть дома и вести хозяйство.

– Счастливое будет, наверное, то время для женщин.

– Я в этом сомневаюсь. — Ира рассказала про Великую Октябрьскую социалистическую революцию и добавила. — Вы спрашивали, откуда мы? — она сделала паузу и добавила. — Мы из будущего.

После такого признания Авдотья Романовна потеряла дар речи. Уж сколько рассказов она слышала от женщин, но такое? Она не могла поверить своим ушам; из будущего. Нонсенс, простая выдумка. Что? Можно было списать это на фантазию женщин, но их одежда? — «Неужели в будущем будет такая мода? — думала она. — Это кошмар! — затем она вспомнила, что видела сегодня ночью, и сама себе сказала. — А может быть, и нет. Я же сегодня видела тоже нечто такое же нечто».

– Как из будущего? — удивилась Авдотья Романовна. — Разве такое возможно?

– Очевидно. — ответила Ира. — Это невероятно, но факт. — она сделала паузу. — Каким-то непонятным образом, мы из будущего попали в прошлое. — Мистика какая та. — сказала удивлённая Авдотья Романовна. — Тут в будущее многим заглянуть хочется, что будет дальше. — затем она пояснила. — Я имею в виду наших гадалок. К ним мы приходим, чтобы узнать своё будущее. Знаем, что приврут или наврут, но всё же идём к ним. «А тут!» — затем она с долей иронией произнесла. — Что, в будущем так плохо, что из будущего в прошлое люди перемещаться стали. — Возможно, Вы и правы. — согласилась Ира, а Ефимия Иннокентьевна её поддержала. — В будущем ни столь прекрасная жизнь, как Вы могли бы себе представить. — она сделала паузу. — Я могла рассказать о той жизни, — сказала она. — Но уверяю Вас, Вам не понравится та жизнь в бедующим, откуда пришли мы с Ирой.

– Что ж, — сказала Авдотья Романовна. — надеюсь, Вам у нас понравиться больше чем в Вашем времени.

– От нас не зависит останемся ли мы здесь или нет. — сказала Ира. — Тимофей Кондратьевич согласился, чтобы мы остались в городе, если мы поможем ему в одном деле.

– Я понимаю Тимофей Константиновича. — сказала Авдотья Романовна. — Его прислали в город по распоряжению его императорского величества, а в подмогу никого не дали. Правда говорят, что вот-вот, на днях надворный советник Роберт Карлович придет и полисменов привезёт. Но когда это произойдёт, вопрос. А тут ещё чертовщина с этой воронкой в небе ночью была, и Вы непонятно как объясните своё появление здесь.

– Это будет сложно. — сказала Ира. — Но нет ничего невозможного.

– Я с Вами согласна. — затем Ира посмотрела на часы стоящее на столе. — Уже поздно — сказала она, — а нам ещё с хозяевами дома знакомиться. Правда, не знаю, куда нас поселят?

– Очевидно Вас поселят в дом на окраине города. — сказала Авдотья Романовна. — она сделала паузу и добавила словно, страшась, чего-то. — Там и была эта воронка. — сказала она и предостерегла. — Будьте осторожны.

Тем временем в магазин Авдотье Романовны вошёл Митрофан. Он посмотрел на сидящих за прилавком дам, которые о чём-то беседовали, и сказал:

– А я скажу я Вам, уж не чаяла снова увидеть Вас. — обратился он к женщинам. — Думал, что Вы дёру дали, уж долго Вас не было уж.

– Эти дамы — настоящие модницы. — сказала Авдотья Романовна в защиту женщин, и словно в укор, с сарказмом добавила. — Весь мой магазин перемерили, пока себе подходящее платье не нашли.

Женщины бросили на Авдотью Романовну свой презренный взгляд, словно осуждая её, в чём-то. Затем Ира сказала:

– Мы не понимаем Вашего сарказма. Кто знает, сколько Вы примеряли у нас платья, если бы увидели их уйму. — Такие тряпки, как эти? — фыркнула Авдотья Романовна. — Да не за что, хоть застрелись, не надену это.

– Ну хватит. — сказал Митрофан. — Завтра спорить будите, а сейчас поздно, поживать пора, завтра чуть свет — заря вставать. — затем он обратился к Ире, а также к Ефимии Иннокентьевне. — Ваша квартира ждёт Вас. Прошу следовать за мной.

Бросив презрительный взгляд на Авдотью Романовну и попрощавшись с ней, женщины вышли из магазина. Было уже темно. На небе смотрела на землю грустная бабушка-Луна. Мерцали блёклые звёзды. В небе были видны макушки могучих деревьев, которые словно пели вдали свои красивые песни.

– Тихо у Вас здесь. — сказала Ира, а Ефимия Иннокентьевна добавила:

– Покойно.

– Да, — согласился Митрофан, — у нас покойно. — тихо сказал он и добавил. — Тихо.

– Скажите, — осторожно спросила Ира, Вы ведёте нас в дом на окраине города?

– Туда. — подтвердил Митрофан. Затем он добавил. — В этом доме Вас никто не беспокоит.

В его голосе было, что-то грустное. Он сказал эти слова так, словно знал, что-то такое, что знал только он один. Заметив это, Ефимия Иннокентьевна поинтересовалась.

– Что-то ни так? — В этом доме жил один рабочий, — сказал Митрофан. — Как-то раз он мне рассказал, что видел в лунном свете полной луны некую фигуру. — затем он описал точь — в — точь фигуру, которую только что описала Авдотья Романовна.

– Из этого дома видна одна гора на которой можно увидеть полную луну, в которой можно увидеть тень нечто. — он сделал паузу, и содрога дыхание добавил. — Говорят, что это сам дьявол приходит в полнолуние на эту гору в свет полной луны, словно охотясь, на кого-либо. — он сделал паузу. — Вот и сегодня, тоже полная луна, так же как и вчера была. — сказал он. — Лидия Потапова померла сегодня, а завтра? Кто следующий?

Женщины посмотрели друг на друга. Они понимали, что дьявола не бывает. Впрочем, он не бывает в том виде, в котором его хотят представить здешние жители этого города. Что тут ни говори: тёмные люди.

– Мы не верим в дьявола. — сказала Ефимия Иннокентьевна. — Там откуда мы, это просто воображение человека. — она сделала паузу. — У всего есть своё объяснение.

– Вот Вы и разберитесь. — сказал Митрофан. — затем с сарказмом добавил. — Вот и посмотрим, какая из Вас Ира сыщик, а из Вас Ефимия Иннокентьевна доктор. «А вот и пришли», — сказал Митрофан. Оказавшись на окраине города, Митрофан огляделся и приглушался. Вокруг него стояла гробовая тишина. Не было слышно ни птиц, ни весёлого проказника ветра. Лишь где-то вдали была слышна тишина. Тишина, которая почему-то устрашала тех, кто к ней прислушивался. Всем стало жутко не по себе.

Глава 6 Гора, луна и нечто

Итак, каким образом героини этой истории оказались в XIX веке? В этой истории уже было сказано, что на всех планетах солнечной системы есть жизнь. Но что если в каких-то этих планетах, есть измерения через которые можно перенестись в прошлое или в будущее. Это нельзя доказать. Порталы между измерениями, между прошлым и будущим центр которого настоящее. Никто не знает, откуда прилетает UFO, и через какие порталы они прилетают на землю, если лететь до ближайшей галактики Андромеды, до которой лететь 28 земных лет, а UFO долетают намного быстрее. Тут, конечно, не обошлось без портала. Вот и вернулись героини этой истории из настоящего в прошлое. Давайте посмотрим, что с ними произойдёт далее.

– Вот там и видели нечто. — сказал Митрофан. — Это место нехорошее. — сказал он. — Люди говорят, что город здесь вообще не стоило строить. Место такое, упаси бог жить здесь.

– Но Вы всё же поселили нас здесь. — заметила Ефимия Иннокентьевна. — Значит здесь жить можно. — Да просто место в домах не было. — пояснил Митрофан. — Вот Вас здесь Тимофей Кондратьевич и поселил. — он сделал паузу. — Хотя, — он снова сделал паузу. — если бы было возможно, то Вас бы Тимофей Кондратьевич поселил бы в другом доме, безопасном. Но я уверен, с Вами ничего не произойдёт, если Вы ночью не будете на улицу выходить. Ефимия Иннокентьевна спросила:

– А если по нужде понадобится выйти, что тогда? — Я имею в виду не выходить за пределы участка. — пояснил Митрофан. — На участке можете делать что душе угодно.

– Что душе угодно. — уточнила Ефимия Иннокентьевна, а Ира уточнила:

– Вы уверены.

– Абсолютно.

После чего он препроводил женщин в дом и зажёл свечи. Комната, в которой они оказались оказалась мрачной, но уютной. У одной стены стояла Русская печь. У окна стоял стол, а возле ноги стояли несколько стульев. У стены стоял шкаф. На втором этаже находились четыре комнаты. Две спальни и две комнаты. Один кабинет-библиотека, а вторая комната была приспособлена для детской комнаты. Также в этом доме был чердак.

Митрофан разжёл печь и сказал.

– Сегодня переночуете так, а завтра к Вам пришлют вещи и харчи. — он показал рукой на стол, на котором стоял ужин. Молоко и хлеб. — Молоко свежо. — сказал он. — А хлеб только что испечён. Специально для вас, по просьбе Тимофей Кондратьевича здешняя пекарша Патрикеевна Юсупова испекла лично для Вас. — он сделал паузу и добавил. — Не знаю уж чем Вы обе приглянулись Тимофею Кондратьевичу, но скажу я Вам, он ещё никому пока жил в городе так не относился. Преступники они и есть преступники, что помилуй бог взять с них. На каторгу, и всё тут. А Вы нет, остались. Должно быть, Тимофею Кондратьевичу рук действительно помощь треба, если он Вас, Ира себе в помощницы взял, а Вас Ефимия Иннокентьевна завтра к лекарям пошлёт. Ну ладно, поздно уже. Я пойду.

– И что же следить за нами не станете. — нарочито спросила Ира. — А кто-то клялся, что будет следить за нами, даже когда мы почивать изволим.

– А куда Вы денетесь? — сказал Митрофан. — Места у нас глухие, если уйдёте — сгинете.

– Понятно. — сказала Ира. — Значит, Вы специально нас поселили в этот дом, чтобы не сбежали. Умно. — А сами, где жить изволите? — Мой дом через дом отсюда. — сказал Митрофан и добавил. — Дорога одна, — словно предупредил он их, — дорога одна, в город. Другой дороги отсюда нет. Ну, впрочем, Вы сами понимаете, что бежать Вам некуда. До завтра я пойду.

Попрощавшись с женщинами, Митрофан ушёл, а женщины, подойдя у окна, стали смотреть на гору, которую осветила полная луна.

– Что скажите, Ефимия Иннокентьевна.

– О чём это Вы, Ира?

– Что с нами будет?

– Не знаю. Очевидно, если мы не раскроем это убийство, то нас просто отошлют в Петербург, к его императорскому величеству, а тот слушать нас не станет, на каторгу пошлёт.

– Значит, нам нужно раскрыть это преступление.

– Выхода нет, да и непонятно, насколько мы здесь застряли. Может быть, навсегда.

Женщины посмотрели друг на друга. Они понимали, что в этом времени они задержатся надолго. Если бы это было не так, то им бы не был предложен этот дом, они бы уже давно были б в ином месте нежели это.

Ефимия Иннокентьевна поинтересовалась.

– А что делать с Митрофаном? Он так и будет следить за нами?

– Нам придётся примириться с его слежкой. — сказала Ира. — Если мы этого ему не позволим, то это будет подозрительно.

– Согласна. — скептически сказала Ефимия Иннокентьевна. — Подозрение усилится.

Они сели за стол. Поздней ужин и спать. Завтра новый день, новые встречи. Новые знакомые.

Но всё же, ночь и тишина. Лучина и свеча. Треск печи — огня внутри её. Полумрак. Тишь. И вот, в лучине свечи на столе образ появился в лепестке огня. Лидию Потаповну женщины видели в лепестки огня. Она посмотрела на Иру и вышла из лепестка огня. Подошла к печи она, и, посмотрев на огонь в топке её, сказала:

– Я была здесь на чердаке, — сказала Лидия Потапова. — и видела в телескоп, коей находиться на чердаке, ту самую воронку там, вдали. — она, сделав паузу, продолжила. — Мне показалась также что планета в небе — космическом пространстве в космическом пространстве мироздания находилась рядом с землёй. Да, — подтвердила женщина-призрак, — не удивляйтесь. Планета была вблизи земли. С кольцами планета. Она горела в небе так, что диво я давалась. Затем воронка в небе образовалась, и дьявол из неё возник. — крестница. — До этого Вы двое появились. Откуда загадка. — она посмотрев на женщин и поинтересовалась. — Вы не знаете, что это я видела

Женщины, конечно, знали, что это такое? В XXI веке всё это называли б одной аббревиатурой. Аббревиатурой UFO. НЛО, как бы мы сказали. Неопознанный летающий объект. Много людей их видели за те века, которые живёт земля. Но как объяснить этой женщине, что она видела инопланетный корабль.

– Это так не объяснить. — сказала Ефимия Иннокентьевна. — Дело в том, — сказал она. — Что наша вселенная огромна. Мир, из которого мы пришли, видят эти корабли довольно часто. — затем она пояснила. — Это пришельцы с других планет.

– Какие страсти. — перекрестилась Лидия Потапова. — Боже упаси меня от таких страстей. — она сделала паузу и спросила. — Значит, я видела человека из космоса? — её лицо выражало полное недоумение. — Тогда откуда же Вы? — она сделала паузу. — Я думала, что Вы не из космоса.

– Это не совсем так. — сказала Ира. — Мы не из космоса. Мы из будущего. — она сделала паузу. — Вы показывали мне портрет. На нём я была на холсте. Но это ни так. — она сделала паузу. «Ведь это Ваш портрет», — сказала она. — А это значит. «Нет, это возможно, что Вы мой прародитель», — затем она спросила. — Ведь это возможно? — Да. — согласилась женщина-призрак. — Вы на меня похожи. «Я словно вижу отражение себя в Вас», — сказала она. — Возможно. — согласилась она. — Вы моя правнучка. — она сделала паузу. — Я допускаю,

что Вы прибыли сюда, чтобы расследовать мою смерть, и также, возможно, — предположила она. — остаться здесь навсегда, и продолжить мой род.

После этих слов Ира почему-то подумала, что они прибыли в этот мир из своего для каково-то дело. Действительно, возможно продолжить свой род в этом веке для маленького человека будет гораздо лучше чем воспитывать его в XXI веке. Веке, в котором кроме войны больше ничего нет. Голод и нищета. Что может быть хуже, чем воспитывать своих детей при таких обстоятельствах. Думать, где взять продукты, которые были бы свежи и натуральны, без ГМО. Здесь же всё по-иному. Но через сто лет будет революция, а затем ВОВ. Но, как бы там ни было, они были здесь, в XIX веке. Надо было жить здесь.

– Возможно, Вы правы. — сказала Ира, а затем спросила. — А у Вас есть дети?

– Разумеется. — ответила женщина-призрак. — Моя дочь Раиса Потапова скоро должна быть здесь. — она сделала паузу. — Я месяца два тому назад написала в Смоленск, чтобы она приезжала ко мне погостить. — затем она сказала. — Я бы хотела, чтобы она осталась со мной. — она сделала паузу. — Но это уже невозможно. Она должна приехать вместе с надворным советником Робертом Карловичем приедет. — она сделала грустную паузу. — Должно быть, к поминкам поспеет. А если не приедет то бог с ней. — продолжала она свою речь. — Она ко мне всегда питала скверные чувства, как будто я враг ей была. А разве я враг?! Разве мать может быть врагом своих детей? Конечно же, это нонсенс. Мать не может быть врагом своих детей, — заявила однозначно Лидия Потапова. Затем однозначно утвердила. — Это факт.

– Я не соглашусь с Вами. — сказала Ира. — В нашем мире родители порой хуже чужих людей.

– Не поняла. Это как?

– В нашем мире родители не заботятся о своих детях. — сказала Ира. — Матеря, бог им всем судья во время беременности ведут nepотpeбный образ жизни. Гуляют на стороне, пьют, курят. Рожают детей, которые после их злополучных злoключений рождаются все больными. Таких детей мы называем инвалидами, и они уже при рождении получают от государства пенсию. То есть деньги. — она, сделав паузу, продолжила. — Родители не заботятся о таких детях. Они живут своей жизнью. Одни, в интернатах для инвалидов. Другие, оставлены просто на их же собственное попечение. — она сделала паузу. — Есть и другие родители. Они осознанно подталкивают своих детей к пропасти. Позволяют им в раннем возрасте делать все запрещённые вещи. В десять лет в нашем мире из ребёнка вырастает нечто. Нечто, что не должно было быть, а это есть. — она снова сделала паузу. — Убийцы, насильники и воры. Да что там говорить, наше время — это время всеобщего хаоса.

– Не может быть! — не поверила Лидия Потапова. — Этого не может быть.

– К сожалению, это чистая быль. — сказала Ира. — Это мир, из которого мы пришли.

Женщина-призрак, проанализировав размышление Иры на тему, что есть родители в её мире, сделала вывод.

– Может быть, это хорошо, что Вы обе попали в это время. — она, сделав паузу, посмотрела на обеих женщин и спросила. — Вы не в положении ли?

Эти слова заставили женщин задуматься. Дело в том, что они не помнили, не имели ни малейшего понятия, что с ними стало, когда они оказались во временном пространстве. Они помнили только то, что они находились вблизи реки Мухавец, и больше ничего. Ни самого перемещения, ни, тем более что было во время него они не знали. Эта информация исчезла из их воспоминаний. Впрочем, её как будто бы и не было вовсе.

Обе женщины с тревогой смотрели друг на друга. Они понимали, что это возможно. И кто это сделал, тот хотел чтобы его ребёнок получил хорошее воспитание, и не стал из тех кого в XXI веке называют отбросами общества. Нелюдями этого огромного мира.

Хотя и в XIX веке были преступления. Но честь была превыше всего. За свою честь даже вызывали на дуэль. Ни то, что сейчас.

– Какое сегодня число? — поинтересовалась Ефимия Иннокентьевна у Иры.

Та растерянно пожала плечами.

– Не знаю. — ответила та.

На лицах обеих женщин можно было прочесть растерянность. Они из-за всего, что с ними произошло, что у них ещё в этом месяце, ни у одной из них не было месячных, а уже должны.

– Полнолуние. — сказала Лидия Потапова, показывая на светившую в небе жёлтую луну. — 15 число по календарю. — Слава богу. — вздохнула облегчённо Ефимия Иннокентьевна, у которой всё было в порядке. — Ещё целая неделя.

– О мой бог! — неистова воскликнула Ира. — У меня задержка.

– Сколько?

– Сегодня должно было быть.

– Может просто месячные завтра будут. — предположила Ефимия Иннокентьевна. — Всё это перемещение. — она сделала паузу и предположила с опаской. — Может быть, здесь мы уже не будем теми женщинами, которыми мы были в нашем мире.

– О чём это Вы? — со дрогая сердцем спросила Ира. — Вы имеете в виду... — предположила она, — что?

Её негодующий вид. Она сама не могла поверить в это. Она с Ефимией Иннокентьевной обе были достаточно молоды, чтобы у них обеих прекратилась овуляция и исчезли месячные, и начался климакс.

Но вот, их страхи развеяла Лидия Потапова. Она сказала:

– Не волнуйтесь. Вы ещё очень молоды, чтобы думать об этом. Чтобы — то там не произошло, у Вас ещё будут у обеих дети. — она сделала паузу. — Вы молоды, и у Вас вся Ваша жизнь впереди. Не оглядывайтесь назад. Смотрите вперёд. — она снова сделала паузу, словно хотела, что-то утвердить. — Вы обе оказались в моём времени, и мне ли не знать, что если Вы оказались здесь, то это нужно. Нужно Вам, ни мне. — она снова сделала паузу. — Я думаю, что одна из Вас насосях. В положенный срок у одной из Вас родиться дитя. — она снова сделала паузу. — А может быть, и у обеих. Вы вырастите хороших детей. Детей, которые не посрамят Россию.

– Но кто же отец ребёнка которого носит под сердцем одна из нас или мы обе.

– На этот вопрос Вы Ира, должны найти ответ сами. — сказала Лидия Потапова. — Возможно, Вам поможет ответить на Ваш вопрос моя смерть. Найдя моего душегуба, Вы найдёте и ответ на вопрос; кто отец ребёнка.

– Понимаю. — сказала Ира. — Вы хотите, чтобы я стала детективом, а Ефимия Иннокентьевна — лекарем. — Вы здесь надолго, — сказала Лидия Потапова, — может быть, навсегда. — она сделала паузу. — На днях надворный советник Роберт Карлович приедет, он уж разберётся, что к чему. — она сделала паузу. — хорошо бы до его приезда моё дело раскрыть, тогда у Вас появится шанс понравиться Роберту Карловичу. — она посмотрела в окно, на гору, на луну. И увидев в луне очертание, какого-то существа, сказала. — Смотрите, вот и он, дьявол.

Итак, дьявол. Что же, нет, кто такой дьявол в понимании человеческого представления. Дьявол — это религиозно-мифологический персонаж: верховный демон зла; властелин ада; подстрекатель людей к совершению греха, персонифицированное абсолютное зло. Типичной формой конкретного представления является змей или дракон, ящерица и другие гады. Другие формы воплощения — летучая мышь, пёс, свинья, козёл, обезьяна; причём им придаются некоторые человеческие черты.

Мы видим, в понимании человека Дьявол — это не что иное, как животные этого мира, включая летучую мышь, Дракулу Брема Стокера, его графа Влад III Цепеш, прозванным графом Дракулой. Так кто же такой Дьявол? Образ созданный человеком, чтобы внушить страх перед неизбежным, или всё же Дьявол — это сущность зла. Потусторонняя сила, которая ввер-

гает человека в ужас. Ведь человек сам по себе ужасен. Он истребляет свой же вид в отличие от зверей, птиц и насекомых. Так может Дьявол — это сам человек? Дьявол — это мы сами?

Человеческая жестокость не знает границ, и кто знает, может быть поговорка; «дьявол сидит внутри каждого человека» — это возможно, правда. Человек и есть сам дьявол. Впрочем, извините, есть ещё женский образ и зовут его Сатаной.

Но остановимся на этом. Можно было поведать читателю, что есть потусторонние силы, но вряд ли это им понравится. Всё тайное должно остаться тайным, и кроме того, что человек знает о потусторонние без посвящения в этот мир, человек никогда не узнает больше чем он знать не должен. Итак продолжим.

Так что же увидели наши героини вдаль, в лунном свете на горе, стоял человек. Впрочем, это была лишь тень той сущности которую они видели в жёлтом лунном диске при блёклом мерцании дальних звёзд. На горе, на самой вершине её, была видна тень существа, похожего на волка. Да, по виду это был волк с торчащими ушами и длинным хвостом. Но в то же время это существо было похоже на человека. Голова, торс и ноги. Казалось, что это нечто сидела на корточках и смотрела вдаль, прямо на тот самый дом где находились наши героини. Но это было ещё ни всё. В какой-то миг женщинам показалось, что луна и эта тень, это нечто, поменяла в одночасье свою форму. Луна словно исчезла в одночасье, а нечто в лунном свете как бы исчезло. Нет, оно не исчезло в понимании этого слова, его словно поглотил лунный свет, и нечто растворилось в нём. Луна, если эта была она исчезла. Она словно растворилась в ночной мгле тёмного неба, не оставив после себя ничего, кроме смутного представления о самой себе.

Но вот, в небе, вдаль от той горы, с правой стороны, женщины увидели смотрящая на землю, и ласково улыбающуюся старую бабушку-луну. В мерцанье звёзд она хотела сказать что-то. Что-то что возможно было понять только двум женщинам смотрящих из окна дома на неё, и Лидию Потаповну — женщину-призрака, смотрящую на нечто вдаль. На нечто, кого она испугалась и приняла за Дьявола.

— Вы видели, — сказала она двум женщинам, показывая прозрачной рукой на гору, на которой только что они видели луну, — что это если не сам дьявол спустился на землю. — она сделала паузу. — Вы видели это существо в лунном свете. — она сделала паузу и сказала. — Оно не из нашего мира, может быть из Вашего? — женщины молча отрицательно помотали головой. — И не из Вашего мира. — тихо сказала женщина призрак и спросила. — Тогда откуда?

— Всё можно объяснить. — сказала Ефимия Иннокентьевна. — Порой наш мозг выдаёт нам странные вещи. — она сделала паузу. — Порой мы видим то, чего и нет. Нет и не было никогда. Это наши страхи. Страхи, и больше ничего.

— Вы считаете, что этот страх убил меня?

— Нет. — однозначно заявила Ира. — Я точно знаю, что человек умирает не из-за страх, это нонсенс. Страх делает человека слабым, и больше ничего. — затем она сделала паузу и сказала. — Человека убивает сам человек. Я не знаю, кто убил Вас, Лидия Потаповна. Ефимия Иннокентьевна даже ещё не осмотрела Ваше тело, и делать поспешных выводов я не могу. Что ж касается того, что мы видели только что, и что Вы, Лидия Потапова приняли за самого дьявола, можно предположить, что... — она снова сделала паузу. — Вы слышали об НЛО? — спросила Ира Лидию Потаповну. — В нашем мире о них знают не понаслышке.

Лидия Потапова ответила:

— За всю свою жизнь я ни разу не слышала об НЛО. — затем она спросила. — Что это такое, НЛО. — НЛО, это космические корабли. — объяснила Ефимия Иннокентьевна. — Они прилетают на землю из далёкого космоса. Из других миров.

— Из других миров? — удивилась Лидия Потаповна. — Земля что, не единственная планета жизни? — она сделала паузу. — Впрочем, Вы же тоже появились из ниоткуда. — предположив, что женщины тоже из другой галактике, а не из далёкого будущего времени, как они ей говорили, Лидия Потапова заключила. — Может быть, Вы эти НЛО и есть.

— Это ни так. — ответила Ира. — Мы попали сюда из будущего этого мира.

— Откуда мне знать, что это так?

— Вы же позвали меня к себе когда уже были мертвы. — сказала Ира. — Значит, Вы точно знали, что я, и Ефимия Иннокентьевна из этого мира. — сказала Ира. — Вы также показали мне меня же, на моём автопортрете, который принадлежит Вам, — напомнила она. — Вы тогда сказали, что это Ваш автопортрет в молодости.

— Да. — согласилась Лидия Потаповна. — Это я говорила.

— Значит. — заключила Ира. — Вы точно знаете, что мы не из другой галактике, а как я уже сказала, мы из будущего. — Плохого будущего. — подчеркнула Лидия Потаповна. — Из будущего, от которого хочется бежать. — может быть Вы и правы. — с горечью сказала Ефимия Иннокентьевна, и посмотрев на Иру, тяжело добавила.

— Может быть, если там было хорошо, мы не оказались здесь.

— Точно. — утвердила Ира. — Возможно, — предположила она, — мы здесь для чего-то особенного. Чего-то, что мы в нашем мире никогда не сделаем. — Возможно Вы здесь, чтобы помочь этому городу в чём-то. — сказала — женщина-призрак. — Вы знаете больше чем мы. Одна из Вас лекарь, другой детектив. Что ещё нужно, чтобы раскрывать уголовные дела об убийствах. — женщина - призрак, посмотрев на угасающую свечу, сказала. — Моё время кончилось. Мне пора. — после этих слов женщина-призрак исчез, а свеча погасла.

За окном у — ухал дедушка-филин. Где-то вдали был слышан вой волка. Пора спать. Спокойной ночи, до новой встречи.

Глава 7 Новая жительница города Жабинка

Итак, утро следующего дня было очень хорошим. Солнце проснулось и свои огненные лепестки ласково положила на хмурую землю. Земля вздохнула и потянулась, зевая, отбрасывая лепестки солнечного света на стоящее неподалёку деревья. Заглядывая в окна домов людей, оно будило их ласковым и нежным светом своих серебристых лучей.

Ира и Ефимия Иннокентьевна, проснувшись с первыми лучами солнечного света, встали с кроватей и подошли к окнам своих комнат. Утренний пейзаж был виден из окна комнат женщин. Макушки деревьев были покрыты серебристыми коронами лучей солнечного света. Там вдаль они увидели ту самую гору, на которой они видели полную луну и что-то светящееся в ней. И хоть тогда она нагоняла ужас, сейчас она ничуть не пугала их. В лучах солнечного света она была милой и красивой. Но всё же, что-то надавало женщинам покоя. Они не знали, что, но знали одно, в этом городе или поселении происходит какая-то чертовщина.

Они спустились на первый этаж и увидели, стол, а на нём огарок вчерашней свечи, стоящей в подсвечнике. Женщины посмотрели друг на друга. Они тотчас вспомнили, что вчера было здесь. Они вспомнили, что Лидия Потапова, она же женщина-призрак разговаривал с ними в этой комнате, выйдя из лепестков огня этой свечи. «Чёрт побери! — подумали обе женщины. — Это был не сон. Мы действительно общались с Лидией Потаповной. Она действительно была здесь. В этой комнате. — они посмотрели друг на друга и подумали. — Это всё правда. Мы в ином мире. — они снова посмотрели на догоревшую свечу, и им, что-то в этот момент подсказало, что там за окном, за околицей их ждут. — Что ни говори, — подумала одна из женщин, — а мир, в который мы попали, возможно и есть мир тот, в котором мы должны жить, а тот мир, из которого мы пришли сюда, из которого нас сюда забросила по неведомым нам до селя причинам, этот мир не наш. Чужой мир. Мир, в котором нам не будет жизни в отличие от этого мира». Да, возможно это, так оно и есть. Порой люди рождаются и им говорят, когда они вырастут и приобретут профессию; — Вы родились ни в том месте, и не в том времени. Ваше время ещё не пришло, так что всё, что Вы создадите никто не оценит: жаль, что в жизни, так оно и есть. Мы трудимся на благо общества, пишем, рисуем, создаём. Но это никто не ценит. Всем наплевать на то, что мы все делаем для блага этого мира. Все наши блага, в конце концов, лежат в долгом ящике, или вообще ими... а деньги за эти проекты себе в карман кладут «Ложат». Есть такие. Они и были, и всегда будут.

Но вернёмся к этой истории. Посмотрев в окно, женщины вспомнили, что их сегодня ждут в здешнем госпитале и в полицейском участке. Но на голодный желудок? Женщинам очень хотелось есть. И словно услышав их, во двор вошла женщина лет двадцати. В правой руке она держала какую-то авоську. Она подошла к входной двери и постучалась в неё. Дверь открыла Ира. Она поинтересовалась, кто она такая. Ответ был неожиданным, но для этого города предсказуемым.

— Меня зовут Тамара. Я прислуга здешнего помещика Адольфа Трембицкого. — она сделала паузу, смотря на женщин, ей было интересно, какие они, эти две дамы? Такие же, как и они жители этого поселения. Или они чем-то отличаются от них, а в этом случае и от неё самой. При этой мысли её бросало в дрожь. Её послали к ним, чтобы передать им еду, а также она должна была принять неизбежное. Принять свою судьбу. Она должна была стать прислугой этих двух совершенно незнакомых ей женщин. И это ей ни так страшило, как страшило то, что этот дом на окраине города был проклят, о чём уже было написано выше. — Меня по просьбе Тимофей Кондратьевича, — дрожащим голосом говорила Тамара. — Адольф Трембицкий послал меня прислуживать Вам.

— Да мы в прислуги не нуждаемся. — сказала подошедшая к двери Ефимия Иннокентьевна. — Лучше домой ступайте. — Не могу. — ответила Тамара. — Теперь я Ваша прислуга. — она посмотрела на авоську, которую держала в руке, и сказала. — Я Вам поесть принесла.

— По есть принесла. — повторила Ира, смотря на авоську в руке Тамары. — Что ж, — сказала она, — еже ли принесла, то, конечно, входите.

Тамара прошла в дом, а затем женщины пригласили её в комнату, и затем Тамара, подойдя к столу, выложила всё, что собрали на стол. Это была простая еда. Хлеб, мёд, только что снесённые курицей-несушкой яйца. Чай, который нужно было ещё заварить. Сливочное и постное масло. В общем на первый раз трапезничать можно было от души.

Смотря на эти лакомства, женщины, сделав глотательное движение, и Ира спросила у Тамары.

— А нож в этом доме есть или Вы его собой принесли?

Маленький упрёк был разрешён тотчас же. У Тамары, конечно, не было ножа, вся утварь находилась возле печи. Бадья, веник, Метёлка, Ухват, Горшки, Чугунки, Крынки, Гусятница, Скородник, Скородна, Садник (лопата), Противень, Совки, Кочерга. Из всего этого и состояла утварь дома XIX века. Плюс ещё ножи, которые лежали у печи. Тамара принесла два ножа и положив на стол, спросила.

— Что пожелаете?

Конечно, можно было написать, что обе женщины взвыли: есть. И с зверским аппетитом начали всё есть словно свиньи. Но это ни так. Хоть женщины и хотели есть, у них был зверский аппетит. Они всё же были достаточно культурны и воспитанные для того, чтобы не быть бескультурными свиньями.

— Одеться. — сказала Ира. Затем спросила — Поможете затянуть корсет?

— Конечно. — ответила Тамара. — Это моя работа.

Женщины поднялись на второй этаж. Там Тамара помогла одеть Ефимии Иннокентьевне корсет, в свою очередь, Ефимия Иннокентьевна помогла надеть корсет Ире. После чего они одели каждое платье, которое они вчера выбрали в магазине у Авдотьи Романовны, и, спустившись обратно на первый этаж по, трапезничали, чем Тамару бог послал в лице Тимофей Кондратьевича и Адольфа Трембицкого. Затем они отправились в городскую лечебницу, в которой Ефимии Иннокентьевне предстояло познакомиться со здешним лекарем по фамилии Катц Авраамом Рудольфовичем.

Выйдя за околицу, женщины увидели, как к ним навстречу шёл Митрофан. Увидя женщин, он помахал им рукой, словно говоря, чтобы они шли к нему навстречу.

Увидя махающего рукой Митрофана, женщины в знак того, что они поняли, что он хочет им сказать, помахали в ответ чуть заметно своими головами, а Тамара сказала, что Митрофан проводит их в здешнее лечебное заведение, а она останется в доме. Затем она поинтересовалась, что женщинам приготовить поесть, когда они вернутся, а также поинтересовалась, когда их ждать?

— У нас сегодня будет много дел. — сказала Ира. — Возможно, мы будем к вечеру. Что касается до кушанье, — продолжала она. — То щи или борщ вполне будет достаточно.

После этих слов Тамара быстро вошла на участок, а Ефимия Иннокентьевна поинтересовалась, почему Ира так сказала Тамаре слова, кои могла просто сказать так, чтобы Тамара не чувствовала себя прислугой, а была уверена, что они будут относиться к ней как к хорошей подруге. Ведь в этом мире, в который они попали им обеим нужна подруга или человек, который им подскажет что-либо в той или иной ситуации.

— Честно говоря, — призналась Ира, я не знаю, как можно говорить со здешними людьми. — затем она подчеркнула. — С прислугой. Я боюсь, что... — призналась она. — ... если я начну с прислугой говорить, как со здешними помещиками то, возможно, они сочтут себя

наравне с ними. — она сделала паузу. — Так что... — замялась она. — Эта не моя прихоть, а прихоть самого этого времени.

— Время-то время, а человеком чувствовать себя все хотят.

Ира на секунду замолкла.

«Что ж, — подумала она. — возможно, Ефимия Иннокентьевна права. Кому понравится, что таких людей, как Тамара никто ни во что не ценен. Обращаются с ними как со скотом. — она сделала паузу в своих размышлениях, и сама про себя подумала. — Никому. — затем он почему-то подумала. — Если людей ценили в этом времени, то кто знает, была бы эта революция или нет». — затем Ира обратилась к Ефимии Иннокентьевне и сказала. — Вы правы, не стоит с Тамарой обращаться как с прислугой, это было не по-человечески. «Но», — сказала она словно хотела возразить самой себе. — нельзя забывать, что она прислуга. — Я с Вами совершенно согласна. — Ира тяжело вздохнула. — К сожалению она и правда прислуга.

Тем самым временем они подошли к стоящему на дороге у следующего по счёту дома после их Митрофан. Он стоял возле высокого забора жёлтого двухэтажного дома. Калитка открылась, и из неё показалась женщина. Она посмотрела на стоящих возле её забора людей, и произнесла, словно недовольная тем что они стояли возле её забора.

— Чего надо? — хриплым голосом произнесла она. — Нечего здесь Вам делать. Уходите. — затем она увидела стоящего возле них Митрофана и обратившись к Митрофану, заинтересовалась. — Кто эти женщины?

— Они прибыли вчера. — сказал Митрофан. — Тимофей Кондратьевич поселил их в том доме. — показывая рукой на последний дом, сказала она.

Женщина вышла из калитки своего участка. Посмотрев на неё, обе женщины замерли. Они ужаснулись, увидя её. Эта была молодая женщина, на вид ей было меньше тридцати лет. Мне показалось, что ей было времени целая вечность. Её лицо выглядело молодо. Оно было красиво и женственно. Но в то же время ужасно обезображено. На правом глазу была видна белая нарость во весь глаз. По-научному «ГЛАУКОМА». Она закрывала не то что зрачок, а весь её правый глаз, на веке которого ещё в придачу святился громаднейший фурункул, и на веке была громаднейшая закрывающее весь глаз на правом веке бородавка.

Второй её глаз не был такой ужасный, и хотя он тоже не был идеальным, но всё же он мог различать достаточно хорошо то, что он видел, перед собой. Различать ту информацию, которую он воспринимал. Те образы, которые он видел не очень отчётливо.

Волосы кудрявые и длинные чёрного цвета. Нос женщины был длинным, с горбинкой, словно как у орла. Его конец напоминал свиное рыло, а ноздри были, словно как у хрюшки, две маленькие точки. На ней было надето красивое платье и туфли в его цвет. В правой руке она держала клюку. «Палку достаточно прямую, чтобы на неё можно было опереться при ходьбе». Она смотрела на двух женщин, которые в свою очередь смотрели на неё и словно изучающе их взглядом, сказала.

— Я вижу, Вы прибыли к нам издалека. — она сделала паузу. — Вы здесь не по своей воле. — сказала она. — Смерть следует за Вами. — она снова сделала паузу. — Вчера произошло убийство, и явились Вы. — затем она, словно зная их имена, продолжила. — Ира, Ефимия Иннокентьевна. — Вы здесь, чтобы раскрыть это преступление и найти убийцу Лидии Потаповны. Да, я знаю про это убийство. — продолжала женщина свою речь. — Мне про него сказала сама Лидия Потапова. — она сделала паузу, и обратившись к Ире, добавила. — Ведь она же тоже говорила с Вами, так же как и со мной. — Видя непонимания женщин, женщина с клюкой пояснила. — Во всё время в России жили ведьмы. Россия всегда была и останется домом нас ведьм. Мы предсказываем судьбу тем, кто это хочет, и помогаем тем, кто в нас нуждается. — она, сделав паузу, продолжила. Посмотрела на Иру и сказала. — Вы здесь несчастливо. Вы... — тут она почему-то замерла. Язык её казался, отсох и не мог не повернуться, ни в единую сторону. Затем она сделала глотательное движение, и её язык, словно приняв свою

разговорный вид, с ужасом для себя и неожиданностью для Иры, удивлённо спросила, словно не понимая, как это вообще возможно. — **ВЫ БЕРМЕННЫ?!**

Для Иры это было неожиданно, но всё же предсказуемо. Лидия Потапова уже дала пищу сомнения двум женщинам, когда они говорили об овуляции, месячных и климаксе.

«Чёрт поberi! Неужели я в положении? — думала Ира. — Как это возможно? — не понимала она. — Я никогда и не с кем».

– Вы спрашиваете саму себя, как это возможно? «На этот вопрос я не могу однозначно ответить», — говорила женщина с клюкой, — потому что отец Вашего ребёнка не хочет, чтобы Вы знали, кто он.

«Не хочет знать? — не понимала Ира и вопрошала. — Почему? — она не понимала, почему отец ребёнка бежит от ответственности. Может быть, он просто не хочет ответственности? А может, боится... — но что он боится, Ира не знала. Теперь она станет... кем она станет? Падшей женщиной? Женщиной, которой попользовались, а затем бросили. Кем станет её ребёнок? Плебеем? Плебеем общества или кем?». Эти мысли её ужасали.

– Кто Вы, что так много знаете про меня? — спросила Ира. — Я Вас знаю? Как Вас зовут?

Ведьма представилась. — Пелагея. Меня зовут Пелагея. — она, сделав паузу, сказала. — Я ведьма этих мест. — она посмотрела на дом, который стоял за её домом, и сказала. — Никто не знает, что произошло с прежними его жителями. — она сделала паузу и добавила. — Не верьте глазам, даже своим собственным. — затем она сказала. Мне пора. — затем завершила Иру Пелагея. — Я не прощаюсь, ещё встретимся.

Пелагея медленным шагом пошла по дороге, которая вела в приближайший лес. Вскоре она исчезла, и стоящие возле Иры Ефимия Иннокентьевна, видя, что Ира в смятении, спросила.

– Что-то случилось?

– Всё хорошо. — ответила Ира. Она тяжело вздохнула и добавила. — Мне живущая в этом доме женщина сказала, что я беременна.

– Какая женщина? — осторожно поинтересовался Митрофан.

– Её зовут Пелагея. — сказала Ира. — Она живёт в этом доме.

– Но здесь никто не живёт с тех самых пор... — однозначно ответил Митрофан. — как был построен этот дом. — он сделал паузу. — Этот дом был выстроен по велению одной особы, которую за её деяния наградили этим домом. — он сделал паузу. — Хозяйка этого дома должна вместе с надворным советником Робертом Карловичем приехать, не раньше. — Чертовщина какая-то. — сказала Ира. — Я была уверена, что... — но тут она прервала своё размышление потому, что Ефимия Иннокентьевна спросила:

– С Вами всё в порядке?

– Да. — сказала Ира. — Я в порядке.

– Идёмте. — сказал Митрофан. — Расскажите доктору Аврааму Рудольфовичу, расскажите. Он объяснит, в чём тут дело.

Глава 8 Лекарь: Авраам Рудольфович КАТЦ

Итак, Катц Авраам Рудольфович. Кто был этот человек? Он был практикующим врачом. Его специальность была врач-хирург. Участвуя в войне против Наполеона, и быв в рядах войск Михаила Илларионовича Кутузова, и Петра Ивановича Багратиона, он видел на этой войне всё, — белое и чёрное. Много крови и оторванных рук и ног. Он сам резал их, причём на живую.

После этой войны он был вызван к Николаю I и получил от него медаль «за полезное 1812 года». На этой медали, на её лицевой стороне изображён портрет Александра I, обращённый вправо. Вдоль края медали по окружности надпись: «АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВОЙ Б.М. ИМПЕРАТОРЪ ВСЕРОССИЙСКИЙ». На оборотной стороне медали горизонтальная надпись в три строки: «ЗА ПОЛЕЗНОЕ 1812 ГОДА» и чёрта под надписью.

После этой награды Авраама Рудольфовича отправили в петербургское лечебное заведение, где он и проработал хирургом вплоть до 1816 года. Выйдя в отставку, он подал прошение на имя Его Величества о переводе его в этот город. «Я там буду полезен, чем здесь, в Санкт-Петербурге», — говорил он. И хоть его уговаривали остаться чтобы учить молодое поколение, передовая им свои знания, Авраам Рудольфович наотрез отказался, мотивируя свой отказ тем, что он устал, и ему требуется отдых.

Придя к нему, Ира и Ефимия Иннокентьевна увидели вполне жизнедеятельного человека. Он был достаточно полноват, на носу пенсне. Его волосы уже были седы, а сзади сияла небольшая плешивина. Его руки были мощными, и совсем огрубевшими от его профессии. Увидя пришедших к нему женщин, он посмотрел на них, и сказал:

— Кто Вы?

— Меня зовут Ира, а эта Ефимия Иннокентьевна.

— А, да. — сказал он. И как будто бы что-то вспомнив сказал. — Конечно. — он сделал паузу и добавил. — Тимофей Константинович говорил мне намерении, что в город приехали две дамы, он очевидно имел Вас.

— Да. — твёрдо сказала Ира. — Он имел в виду нас. — затем она поинтересовалась. — А как Вас изволите величать?

Да, лекарь Катц не успел представиться и сейчас чувствовал себя виноватом перед женщинами. — Извините за мою непочтительность, — сказал он. — Меня зовут Авраам Рудольфович. — представился он. — Фамилия моя Катц. — затем, он сделав паузу, добавил. — Но Вы можете меня называть просто, Авраам.

— Нет. — возразила Ира. — Лучше по имени-отчеству.

— Как Вам будет угодно. — затем он поинтересовался. — Кто из Вас лекарь?

— Я — лекарь. — ответила Ефимия Иннокентьевна, смотря на лежащий на каталке покойницу, которая находилась в сером, унылом помещении, именуемом моргом. В морге женщины видели лежащую на каталке женщину, уже до более знакомую им Лидию Потаповну. Теперь они могли обе разглядеть её хорошо. Эта была не молодая, уже в годах женщина. У неё лицо было напугано. Оно выражало ужас. Её глаза были выпучены, и словно вот-вот вывалятся наружу. Голова была вся в запечённой крови. Ефимия Иннокентьевна поинтересовалась. — Отчего наступила смерть?

— Это вопрос? — задумчиво произнёс лекарь Катц. — Видите глаза какие, словно дьявола увидели, не иначе. — он сделал паузу. — И голова разбита, видите?

Конечно, женщины видели, что у Лидии Потаповны была разбита голова. Они видели это вчера, когда первыми осматривали труп. — Да. — ответила Ефимия Иннокентьевна, и с разрешения доктора Катц подошла к лежащему на каталке трупу Лидии Потаповны. Она посмот-

рела на запёкшуюся кровью голову Лидии Потаповны и, осмотрев её, сказала. — Конечно, можно сказать, что смерть Лидии Потаповы наступила от удара чем-то тяжёлом её по голове.

— А глаза? — заметил лекарь Катц. — Они испуганы! — он, сделав паузу, продолжал. — Я много видел испугов на войне и в обыденной жизни, но скажу я Вам, такой испуг надо увидеть, а не испытать. — он сделал паузу и добавил. — Я знаю, когда человек пугается, когда его бьют по голове, тот испуг на этот непохож. — затем он поинтересовался у Ефимии Иннокентьевны. — Вы с моими выводами согласны?

— Да. — сказала Ефимия Иннокентьевна. — Я с Вами согласна. — она сделала паузу. — Но для того чтобы знать точно, от чего умерла Лидия Потапова, надо сделать её вскрытие. — Вскрытие?! — удивился лекарь Катц. — Зачем? — для полного удостоверения в том, отчего она умерла. — Но здесь и так ясно. — А если нет? — возразила Ефимия Иннокентьевна. — Видели, какие у неё глаза. — сказала она. — Видите, какие глаза у неё. — она сделала паузу. — Возможно, она умерла не от удара по голове, а от чего-нибудь иного. — затем она предположила. — От разрыва сердце, например, а травмы ей нанесли после. — Что ж, — согласился лекарь Катц. — возможно, Вы и правы. — Он взял со стола скальпель, и, обратившись к Ефимии Иннокентьевны, спросил. — По Вашему мнению, откуда надо начать? — Я думаю, что надо начать с сердца, а затем вскрыть грудную клетку. — она сделала паузу и предположила. — Возможно, ей в горло налили воды, и она просто задохнулась.

— То есть захлебнулась. — поправил Ефимию Иннокентьевну лекарь Катц. — Вы это хотели сказать.

— Да. — сказала Ефимия Иннокентьевна в подтверждении слов Авраама Рудольфовича. — Это вполне возможно. — Что ж, посмотрим, правы ли Вы или нет, покажет вскрытие.

Лекарь Катц, сделав вскрытие трупа Лидии Потаповы, обнаружил, что её сердце было разорвано на две части. Её лёгкие были в ужасном состоянии. Мало того что Лидия Потапова, царство её небесное, страдала бронхитом, к тому же у неё лёгкие были видоизменённые. В лёгких была некая нарость которая совместно с бронхитом мешала Лидии Потаповне дышать. Увидев это, лекарь Катц с растерянностью сказал:

— Вот Вам и ответ. — он сделал паузу и спросил не только у самого себя, но и словно у Ефимии Иннокентьевны. — Что это такое?

Ефимия Иннокентьевна с позволения доктора Катц посмотрела на лёгкие Лидии Потаповны и сказала:

— Признаться, я никогда не видела, что-то подобного воочию. Могу предположить, что эта нарость — это рак лёгких, известный как карцинома лёгкого.

— Карцинома Лёгких? Рак? — удивился лекарь Катц. — Откуда Вы знаете? — негодовал Авраам Рудольфович.

Ефимия Иннокентьевна посмотрела на Авраама Рудольфовича и сказала:

— Мне повезло и проходила практику одновременно. — она сделала паузу. — Я училась в Оксфорде. — затем она сделала паузу. — Медицинский факультет. — Вам повезло. — сказал лекарь Катц продолжая осматривать труп.

— Но разве женщины в Англии учат медицинское дело? Я об этом не слышал.

— Для Ефимии Иннокентьевны было сделано исключение. — сказала Ира. — Она знала материал лучше, чем любой мужчина. — она сделала паузу. — Вот Ефимия Иннокентьевна поспорила с ректором университета.

— В чём же состоял спор?

— А спор Авраам Рудольфович состоял в том, что Ефимия Иннокентьевна ответит на любой вопрос связанный с медициной.

— И?

— Лектор поспорил.

— А абитуриенты не возражали?

– Им пришлось смириться, хотя многие ставили Ефимии Иннокентьевне палки в колёса.
– Палки в колёса. — усмехнулся лекарь Катц. — Это что-то новенькое. — он посмотрел на женщин. — Признаться, я такого Выражение не слышал. — Это чисто Английское выражение. — сказала Ира. — В России оно неизвестно.

Лекарь Катц понимающе посмотрел на Ефимию Иннокентьевну и сказал:

– По моему мнению, Лидию Потаповну кто-то очень сильно напугал. Испуг вызвал учащённое дыхание, и вследствие этого из-за этого образование... — показал он на нарость в лёгких, — как можно предположить, что вот эти отёки в лёгких вызвали мокроту, которую Лидия Потапова не смогла, простите меня за прямоту, выплюнуть. Вследствие чего, — продолжал лекарь Катц своё умозаключение. — доступ в лёгкие воздуха стало невозможным. Вследствии чего Лидия Потапова захлебнулась в собственной мокроте. — затем он перевёл дыхание, и сочувственно вздохнув, сказал. — Какая ужасная смерть.

И не успев произнести эти слова, Ефимия Иннокентьевна спросила:

— А как же её сердце?

– Что сердце? — не понял лекарь Катц.

– Оно же разорвано надвое! — Очевидно испуг был такой страшный, что сердце не выдержало, а всё остальное — это только следствие её болезни.

Ира спросила:

– Всё же, отчего же она умерла? — она подошла к трупку. — От разрыва сердце? От рака лёгких? От бронхов? Или всё же от удара по голове, что можно исключить, так как есть доказательства того, что Лидия Потапова умерла не от удара по голове, а отчего? «От разрыва сердце или от рака лёгких?» — она сделала паузу и спросила. — Авраам Рудольфович, Лидия Потапова курила?

– Она любила курить трубку.

– Она не выпускала трубку изо рта.

– Не стоит её строго судить. — сказал Авраам Рудольфович. — У неё была трудная жизнь. А как видим по этому наросту, возможно, у неё были невыносимые боли. — Ефимия Иннокентьевна, не стоит строго судить покойную.

– Вы знали, что у Лидии Потаповы рак.

– Да знал. — признался лекарь Катц. — Порой у неё были такие боли, что хоть на стену лезть. — он сделал паузу. — Вот я прописал ей лекарство.

– Я просто удивляюсь, как можно лечить рак лёгких этим препаратом. — сказала Ефимия Иннокентьевна. — Это явная смерть.

– Смерть, возможно. — он сделал паузу. — Вы правы, смерть. — согласился лекарь Катц. — Но у меня вопрос. Было бы лучше, если бы пациентка страдала от ужасных болей. — он сделал паузу. — Не знаю как Вы, но я никому бы не пожелал страдать от таких болей. — Что ж, — сказала Ира. — Теперь не всё ли равно курила она или нет. «Она мертва», — затем она спросила.

– Вы знали, что у неё плохое сердце?

– Она на него никогда не жаловалась.

– Но от этого препарата могло не выдержать её сердце.

– По крайней мере она не мучалась.

– И Вы даже не удосужились сказать о последствиях этого препарата. «Вы же доктор», — сказала как бы в упрёк Ефимия Иннокентьевна. — Вы должны были понимать, что...

– Ефимия Иннокентьевна, я старый человек, и прожил свою жизнь. — сказал он. — Моё дело причинить пациенту как можно меньше боли. — сказал лекарь Катц. — Вы правы, у Лидия Потапова всё время жаловалась на нестерпимую боль в своём теле. — он сделал паузу. — Я прописывал ей болеутоляющее, а когда они перестали действовать, то я посоветовал ей лекарство. — он снова сделал паузу. — Я просто хотел облегчить её страдания. — как бы в

утеху самому себе сказал он эти слова так, словно упрекая Ефимию Иннокентьевну, в чём-либо. — Вы не были на войне. — неожиданно для женщин сказал он, и не знаете, что такое резать на живую человеческую плоть. — он снова сделав паузу, добавил. — Вы бы тогда не стали меня упрекать в том, что я давал Лидии Потаповне прописанное мной лекарство. — он сделал паузу. — Возможно, — сказал он, — лекарство сделало последний год Лидии Потаповны безболезненным. — он снова сделал паузу и тихо добавил. — Если бы она не умерла от разрыва сердце, то в конце-то концов её убил этот Рак.

Ира спросила:

– Значит Вы знали, что Лидия Потапова скоро умрёт?

– Вы обвиняете меня в её смерти?

– Я этого не сказала.

– Но об этом подумали. — Моя профессия заключается в том, чтобы всех подозревать. — сказала она. — Тимофей Кондратьевич тоже со мной согласился бы.

– Тимофей Кондратьевича я знаю уже почти год. — сказал лекарь Катц. — У него профессия такая, чтобы всех подозревать. — он сделал паузу. — А вот у Вас профессия какая? Вы же не полисмен.

– Я детектив. — в свою защиту сказала Ира. — Это моя профессия.

Лекарь Катц усмехнулся:

– Женщина-детектив. — сказал он. — Что же может быть смешнее, чем женщина неумело распутывающие уголовные дела. Только больше проблем будет от Вас чем чего полезного.

– Вы не верите. — скала оскорблённая женщина. — Не верите, что женщина сможет распутать дело.

– Не верю однозначно. — сказал Авраам Рудольфович. — Ни женское это дело в детектива играть. Ладно ещё медик, патронажные сёстры были всегда, а вот детективы, извольте, это какой-то нонсенс.

– А если я найду убийцу, что тогда? — гордо, словно вызывающе сказала Ира. — Вы тогда признаёте, что женщины так же, как и мужчины способны к дедукции. Да, — продолжала она. — если я это дело раскрою быстрее, чем надворный советник Роберт Карлович приедет сюда, а приедет он уже на днях, то признаёте ли Вы, что ум женщин гораздо умнее мужчин. — Да никогда. — вызывающе сказал лекарь Катц и однозначно заявил. — Этому никогда не бывать.

– Но всё же? — осторожно спросила Ира. — Если такое произойдёт, что тогда?

– Ну. — произнёс лекарь Катц. — Если это произойдёт, то я... — задумался он над ответом. — то я, пожалуй, обучу Вас обеих тому, что знаю сам. Поверьте, мой опыт дорогого стоит. Также, — продолжал он. — Я извинюсь за то, что не поверил в Ваши способности распутать это дело. — он сделал паузу. — Если же Вы это дело не раскроете к сроку, то больше никогда Вы, Ира, не станете изображать из себя детектива. — затем он подчеркнул. — Никогда. — Согласна. — ответила Ира, пожав рука доктору Катц, и обратившись к Ефимии Иннокентьевны, сказала. — Можно разбить.

Ира разбила крепкое пожатие Иры и доктора Катц, и сказала:

– Что ж, теперь можно продолжить. — она посмотрела на труп Лидии Потаповны и сказала. — Здесь всё очевидно, — заключила она. Лидия Потаповны умерла от разрыва сердце. — она, сделав паузу, саму себя спросила. — Но кто её так напугал, это вопрос. — она не знала на этот вопрос ответ. — Не знала потому, потому что на этот вопрос у неё не было и не могло быть ответа. Даже предположение кто бы мог это быть, был для Иры эфемерным. На этот вопрос могла ответить только Лидия Потапова, но она была мертва.

– А Вы Ефимия Иннокентьевна? — обратился лекарь Катц к женщине-лекарю. Что Вы об этом думаете? — он сделал паузу. — Какова причина смерти Лидии Потаповны? Это испуг или разрыв сердце?

— Я бы хотела посмотреть в её глаза тщательнее. — сказала она. — Порой глаза человека говорят о многом.

Удивлённый лекарь Катц сказал:

— Что ж, извольте. — он сделал паузу и недоумённо добавил. — Правда, я не понимаю, зачем это нужно? — он посмотрел в глаза Лидии Потаповны. — Я, как уже ранее сказал, они выражают испуг. «Что может сказать испуг?» — скептически сказал он. — Только то, что человек увидел нечто, что испугало его, и ничего больше. — он сделал паузу, и иронично усмехнувшись сказал. — Или Вы хотите по её взгляду определить, умерла ли она от разрыва сердце, или от испуга. — он, снова сделав паузу, сказал. — Если так, то я снимаю перед вами свою медицинский колпак.

— Я понимаю Ваше недоумение. — сказала Ефимия Иннокентьевна. — Такие странные у неё методы, смотреть покойнику в глаза. — Да уж. — недовольно произнёс лекарь Катц. — Вряд ли обрабатается покойница, если б видела, что в её глаза кто-либо смотрит.

— Говорят, что глаза — это зеркало души. — сказала Ефимия Иннокентьевна. — Кто-то утверждает, что в зрачках покойного можно увидеть последние мгновения его жизни.

— И? — нарочито спросил лекарь Катц. Он ждал ответ, предполагая, что он будет однообразным, а впрочем, просто неуместным.

Ефимия Иннокентьевна, напротив, считала, что её просьба была как нельзя кстати. Дело в том, что некоторые болезни можно определить по структуре глазного яблока. По его радужной и сосудистой оболочке и зеркального нерва. — Глаза могут много рассказать. — сказала Ефимия Иннокентьевна и спросила.

— У Вас есть лупа?

Лекарь Катц подошёл к какому-то столику, и взяв с него маленькую лупу, вернулся обратно и подал её Ефимии Иннокентьевне сказав.

— Вот, извольте получить.

Ефимия Иннокентьевна взяла из руки доктора Катц лупу, и, подойдя к голове Лидии Потаповны, подобрав подол платъе, нагнулась, и, посмотрев через лупу в глаза Лидии Потаповны, сказала, что в них много интересного в плане медицине.

Болезни, коими страдала покойница, желала всего самого лучшего. Здесь нет никакой иронии, просто на двух глазах у неё были по ячменю. Также на одном из глаз наблюдалась болезнь-Кератит и Глаукома, а на втором Дакриоцистит и Катаракта. Если коротко, то она была слепа на оба глаза.

— Ну, — саркастично сказал лекарь Катц. — Вы обнаружили убийцу? — Я не пойму к чему весь этот сарказм. — сказала Ефимия Иннокентьевна. — посмотрите в её глаза. — сказал она. — Лидия Потапова была слепа!

— Не может этого быть. — сказал не поверивший Ефимии Иннокентьевне лекарь Катц. — Она никогда не жаловалась на зрение. — Посмотрите сами. — сказала Ефимия Иннокентьевна, и отдав доктору Катц лупу, добавила. — Авраам Рудольфович, если Вы мне не верите, то посмотрите сами.

Авраам Рудольфович взял из рук Ефимии Иннокентьевны лупу, и, подойдя к голове Лидии Потаповны, нагнулся, и посмотрел через лупу в её глаза.

Ефимия Иннокентьевна оказалась права. Глаза Лидии Потаповны были настолько ужасны и уродливы, что их нельзя было просто описать. Когда он выпрямился, на нём лица не было. Лицо источало какой-то ужас. — Чёрт побери. — выругался он.

— Что это такое?

— Нет. — твёрдо сказала Ефимия Иннокентьевна. — Это я вас хочу спросить, — говорила она, показывая рукой на глаза покойной, — что это такое? — она сделала паузу. Её лицо источало гнев и ярость.

— Вы знали, — спросила Ира, — что Лидия Потапова слепа?!

Лекарь Катц почувствовал себя загнутым в угол. Лидия Потапова действительно была слепа, но знал ли об этом лекарь Катц? На этот вопрос, звучавший словно, обвинение в убийстве, он сказал:

– Лидия Потапова последнее время проводила дома. — он сделал паузу. — Очевидно, — сказал он, — Лидия Потапова не хотела или просто не могла выйти на улицу, потому что... — предположил он. — у неё были проблемы со зрением.

– Вы так и не ответили на вопрос. — заметила Ира. — Вы лично знали, что у Лидии Потаповны проблемы со зрением? — Догадывался. — признался он. Затем тяжело вздохнув, добавил. — К сожалению 19 век ни настолько хорош, чтобы лечить что-либо подобное.

Женщины посмотрели друг на друга. Что ж, этот век не идеален, не идеален, как и последующие века. Болезни появляются, а лечение их не представляется возможным в связи с тем, что не изобретена такая таблетка, которая была бы от всех болезней. Не найден ещё философский камень, наука медленно движется вперёд, а то из-за финансирования стоит на месте.

Женщины понимали это. Как понимали они и то, что лекарь Катц знал обо всех болезнях Лидии Потаповны, пытался её спасти. Продлить ей жизнь, насколько можно. Это они поняли только сейчас, когда Авраам Рудольфович попытался увильнуть от ответа; знал ли он, что Лидия Потапова слепа? Он ответил, что Лидия Потапова последнее время проводила дома. Он также обмолвился о том, что у неё, возможно, были проблемы с глазами. Человек, дававший лекарство этой женщины, и не зная, что у неё проблемы со здоровьем, не мог не знать, что у неё ещё проблемы со зрением, не правда ли?

«Чёрт побери! — подумали женщины. — Неужели это он? Этот доктор, который не раз спасал жизни на поле-боя. Неужели он тот самый убийца, который отправил на тот свет... — тут женщины себя успокаивая, подумали. — Почему отправил? Она по этим всё её признакам, уже была мертва. Она была живым трупом. Лекарь Катц только помог её избавиться от мучений».

В это самое время лекарь Катц подошёл к окну и посмотрел на улицу.

Ира спросила:

– Это Вы убили её?

– Да как Вы смеете! — непонимающе воскликнул он. — Вы что, с ума сошли! Я же доктор. Моя задача — исцелять людей, а не убивать их.

Авраам Рудольфович был в недоумении. Как вообще такое возможно? Чтобы его, заслуженного врача обвинили в том, что он убил человека.

Но Ира решила иначе. Она сделала вывод из того, что по всем признакам вскрытие покойной Лидии Потаповны она и так рано или поздно умерла. Она уже была покойницей. Если это так, лекарь Катц просто облегчил ей страдания.

– Я никогда бы не причинил Лидии Потаповне вред. — сказал он. В это самое время на его глазах появились горькие слёзы. — Я любил. — сказал он. — Я любил Лидию Потаповну, и никогда не причинил бы ей вреда.

Подойдя к Аврааму Рудольфовичу, Ира предположила.

– Вы не убивали её, Вы просто решили избавиться их от страданий. — она сделала паузу. — Это было не убийство. — сказала она. — Вы просто избавили Лидию Потаповну от страданий.

– Это ни так! — воскликнул лекарь Катц, который понимал, что, правда, какая бы ужасная она ни была. Дело в том, что лекарь Катц не убивал Лидию Потаповну, когда он пришёл в дом Лидии Потаповны, он застал там Митрофана, который находился возле трупа Лидии Потаповны и смотрел на её тело. Затем он перекрестился и, осмотрев всю тёмную комнату, перекрестился и поспешил удалиться. После чего лекарь Катц выйдя из своего укрытия, подошёл к покойной, и, осмотрев её, понял, что Лидия Потапова мертва. Он тогда уже знал, что у неё разбита голова, но то, что у неё было разорвано пополам, этого он не знал. Об этом всё он

рассказал Ире добавив. — О том, кто её убил, надо спросить Митрофана. — он сделал паузу. — Возможно, он знает, кто убил Лидию Потаповну.

Выслушав Авраама Рудольфовича, Ира спросила:

– Почему Вы уверены, что Митрофан видел убийцу? Почему Вы не думаете, что он её убил?

– Митрофан — это закон. — сказал Авраам Рудольфович. — Он находится в подчинении Тимофей Кондратьевича. Он не мог это сделать, а вот видеть, кто это сделал, он мог.

– Митрофан здесь. — сказала Ефимия Иннокентьевна. — Мы можем у него спросить, что он видел?

– Что ж, — согласилась Ира, — сейчас мы это узнаем.

Лекарь Катц спросил:

– Где он?

– Стоит у двери. — сказала Ира. — Ждёт, пока мы тут закончим.

– Я позову. — сказала Ефимия Иннокентьевна и добавила. — Может быть, мы добьёмся от него правды.

Ефимия Иннокентьевна вышла из морга и направилась к выходу.

Тем временем лекарь Катц сказал.

– Здесь какая-то чертовщина. — он сделал паузу и добавил. — Кто мог убить Лидию Потаповну, тот точно знал, чем она больна.

– Вы думаете, что это сделал кто-то кто знал Лидию Потаповну?

– Да. — подтвердил лекарь Катц. — Возможно, этот человек был для Лидии Потаповны ближайшим родственником.

– У неё были родственники? — как бы невзначай поинтересовалась Ира, которая уже знала ответ на этот свой вопрос. — У неё, как я знаю из её рассказов есть дочь, — она сделала паузу, и добавил, — её зовут Раиса Потапова. — затем он добавил. — Как я слышал, она придет к нам вместе с надворным советником Робертом Карловичем.

– Роберт Карлович, Роберт Карлович. Да кто вообще такой Роберт Карлович?

– Надворный советник Роберт Карлович - этот человек — сам закон. Он всегда находит того, кто преступил закон.

– А Раиса Потапова, кто она?

– Раису Потаповну никто не видел в нашем городе. — сказал лекарь Катц.

– Я про неё знаю лишь со слов Лидии Потаповны. — он сделал паузу. — Говорят, что она служит придворной актрисой в смоленском академическом драматическом театре.

В это самое время в морг вошли Ефимия Иннокентьевна, а за ней Митрофан. Войдя в морг, Митрофан спросил:

– Здравствуйте, Авраам Рудольфович. Вы со мной хотели говорить?

Пояснения к болезням глаз

Глаукома — болезнь, имеющая хронический характер. Из-за повышения давления внутри глаз происходит дисфункция зрительного нерва. Вследствие падает зрение, которое в дальнейшем может пропасть. Болезнь протекает очень быстро, поэтому больной рискует полностью потерять зрение, если будет оттягивать поход к врачу. Признаки: нарушение бокового зрения, чёрные пятна, «туманность» изображения, невозможность различить предметы в темноте, при ярком свете появляются цветные кольца.

Дакриоцистит — инфекция слёзного канала, вызывает его воспаление. Есть несколько разновидностей патологии: острый, хронический, приобретённый, врождённый. Симптоматика: болезненные ощущения, слёзный мешок, красный и отёкший, нагноение каналов и постоянное слезоточивость.

Катаракта — постепенное помутнение глазного хрусталика. Заболевание имеет очень быстро развитие. Может поражать как один глаз, так и оба. При этом повреждается или весь хрусталик, или какая-то одна часть. Основная категория больных — пожилые люди. Именно этот недуг способен в очень короткий срок снизить зрение, вплоть до слепоты. У молодых людей катаракта возможна из-за травмы, заболеваний соматического типа. Симптоматика: скорая утрата зрения (это заставляет менять линзы очень часто), невозможность различить предметы в темноте («куриная слепота»), нарушение в восприятии цветов, глаза быстро устают, в редких случаях — двоение изображения.

Кератит — воспалительный процесс, поражающий роговицу глаза. Как результат, замутнение роговицы и возникновение инфильтратов. Причиной может быть инфекция: вирусная, бактериальная. Травмы тоже могут спровоцировать развитие заболевания. Симптомы: слезотечение, покраснение слизистой оболочки глаза, нетипичная чувствительность к яркому свету, роговица теряет свои нормальные свойства — блеск, гладкость. Если пренебрегать лечением, то инфекция распространяется на другие участки зрительной системы.

Ячмень — инфекционное заболевание воспалительного характера, которое протекает с выделениями гноя. Признаки: отёчность краёв век, краснота и шелушение. Нажатие сопровождается сильной болью. Частым является дискомфорт (ощущение инородного объекта в глазу), слезотечение. Острая форма характеризуется признаками интоксикации: упадок сил, повышенная температура, головная боль.

Глава 9 От чего умерла Лидия Потапова?

Итак, войдя в морг, Митрофан спросил:

— Здравствуйте, Авраам Рудольфович. Вы со мной хотели говорить? — Да. — ответил лекарь Катц. — Я хотел спросить Вас, что Вы делали в доме Лидии Потаповны? Не возражайте, я Вас видел в доме. — Я пришёл к Лидии Потаповне, так как меня послал к ней Тимофей Кондратьевич. — сказал Митрофан, словно оправдывая себя. — Сказав мне; «Сходи за Лидией Потаповой, пускай придёт, она-то быстро тут разберётся кто эти за штучки изъявили здесь появиться». Я пошёл за ней. — он сделал паузу. — Дверь не была заперта на ключ. — он сделал паузу. — Я вошёл внутрь. — затем он обратился к доктору Катц. — А Вы Авраам Рудольфович, — поинтересовался Митрофан. — Когда я вошёл в дом, Вы уже были там или нет?

Этот вопрос, на который по своей сути у Авраама Рудольфовича не было однозначного ответа, определить ответ было почти невозможно. Да, лекарь Катц был в доме Лидии Потаповны. Он пришёл туда... кто знает, зачем он пришёл в дом Лидии Потаповны. Но почему он там был, и в какое время пришёл, это оставалось тайной.

— Да, — сказала Ира, — это важно.

Лекарь Катц бросил взгляд на присутствующих в морге. Он понимал, что не ответь он на этот вопрос, его могли обвинить в убийстве Лидии Потаповны и сослать на каторгу, где он, очевидно и закончить свой жизненный путь. Да, он видел Митрофана. Видел, как он подошёл к Лидии Потаповны и решил, что та мертва. Но мертва ли она была? Может, она была жива, и её можно было спасти? — «Нет, — твёрдо был уверен он в том, что он знал совершенно точно, — Лидия Потаповну спасти не было никакой возможности. Когда я подошёл к ней, и потрогал её пульс, она была мертва. Я констатировал её смерть. — он на секунду задумался. — Я никогда не ошибаюсь. — убеждал он сам себя. — Смерть — есть смерть, и от неё никуда не деться». — Так что же, смерть Лидии Потаповны была причиной прихода в дом Митрофана, следствие которого стала её смерть, или в доме побывал кто-то третий. Третий, которого из присутствующих никто не знал, и никогда не видел.

— Я пришёл на несколько минут раньше Вас. — сказал Авраам Рудольфович Митрофану. — Войдя в дом, дверь которого была открыта, я прошёл в комнату и увидел Вас. — он сделал паузу. — Я спрятался за штору другой комнаты и видел, как Вы подошли к усопшей, и я видел, что Вы находились у кресла, в котором сидела Лидия Потапова. — он сделал паузу и добавил. — Отсюда вывод. Если не Вы Митрофан, то кто?

Это обвинение Митрофан не мог перенести. Он понимал, что только что его обвинили в убийстве Лидии Потаповны, и если у него не было алиби, то, возможно, эти обвинения оказались бы неопровержимыми в этом деле, и его отправили на каторгу.

— Я понимаю, к чему Вы все клоните. — сказал Митрофан. — Вы хотите обвинить меня в смерти Лидии Потаповны? — он сделал паузу. — Но Вы забываете. — сказал он, обратившись к женщинам. — Я тогда был с Вами и Тимофеем Кондратьевичем. — Но Вас Тимофей Кондратьевич направил к Лидии Потаповне, от которой Вы, вернувшись, сообщили Тимофею Кондратьевичу, что Лидия Потапова мертва. — она сделала паузу. — Откуда нам знать, что это Вы не убили Лидию Потаповну. — обвинила Ира Митрофана в убийстве. — Вы убили её. — однозначно заявила она. — Убили и поспешили обратно, в отделение полиции, чтобы сообщить Тимофею Кондратьевичу о смерти Лидии Потаповны.

Митрофан небрежно бросил:

— Это полная чушь. С таким же успехом я мог бы обвинить присутствующего здесь доктора Катц в этом убийстве. — он сделал паузу. — Допускаю, что Авраам Рудольфович видел меня в том доме. — защищался он. — Но что если Вы, Авраам Рудольфович, находились уже в том доме. И это Вы убили Лидию Потаповну. — он сделал паузу. Убили, потому что знали,

что Лидия Потапова была больна. Да, я знаю о болезни Лидии Потаповны так же, как я знаю, что Вы пристрастили её к этому лекарству. — затем он обратился к Ире. — Лидия Потапова последнее время только и жила только благодаря лекарствам. Не проходила и дня, как каждый божий день Лидия Потапова принимала лекарство.

— Согласна. — сказала Ефимия Иннокентьевна. — Люди, принимающие такие препараты, подверженные галлюциногенным расстройством.

Лекарь Катц спросил:

— То есть? Вы хотите сказать, что Лидия Потапова была больна и этим? — он сделал паузу. — Позвольте. — однозначно заявил он. — Галлюцинации — это нонсенс. — затем он утверждал. — У Лидии Потаповны не было галлюцинаций.

Ира спросила:

— Это Ваше мнение как врача? — Совершенно верно. — подтвердил лекарь Катц. — Это я заявляю официально, как врач.

— Я понимаю Вашу позицию, но она ошибочна.

— В больших дозах — да. — согласился лекарь Катц. — Но не в малых дозах.

— Когда лекарство употребляют в малом количестве, но в течение долгого времени, галлюцинации могут быть. — Ефимия Иннокентьевна сделала паузу. — В таком случае Вы, Авраам Рудольфович, виноваты в её смерти. — затем подчеркнула. — косвенно. — Так может быть Лидию Потаповну никто не убивал? — Предположил лекарь Катц. — Может быть, она умерла от испуга, и её сердце, которое разорвалось на две части тому подтверждение. — он сделал паузу. — Ни так ли, Ира.

Ира усмехнулась:

— Вы хотите свалить всё на то, что её убил собственный страх? Её галлюцинация, которая появилась у неё.

— Почему бы и нет. — согласился лекарь Катц и обосновал своё предположение. — Сердце надвое разорвано. А это возможно только от сильного испуга.

— Или от того, что сердце не выдержало долгого употребления у неё начались проблемы с её сердцем.

— Что ни говори Ефимия Иннокентьевна, а она, как ни крути, мертва.

Ира спросила:

— И кто виноват в её смерти?

Мужчины посмотрели друг на друга. У обоих их не было алиби. Оба они были в этом доме. Оба могли убить.

— Да. — сказал Митрофан. — Ситуация.

Ситуация была действительно ситуация. Авраам Рудольфович, и Митрофан уже пожалели, что поспорили с Ирой, что она может распутать это дело. Оба они были под подозрением. Оба могли убить.

— Итак, — осторожно сказала Ира. — У Вас обоих нет абсолютного алиби. Вы оба могли убить Лидию Потаповну. Если это так, то остаётся понять, кто?

кто-кто убил Лидию Потаповну? Кто из этих двух человек? Неужели лекарь Катц или Митрофан совершили это злодеяние? Неужели кто-нибудь из них способен на убийство? Сейчас смотря на обоих мужчин, две женщины понимали, что в данный момент ошибиться им нельзя. Они не имели права ошибиться. Ведь от их выводов может пострадать невинный человек.

В этот момент Ефимия Иннокентьевна почему-то спросила:

— Авраам Рудольфович, Вы доктор, что Вы можете сказать по поводу Лидии Потаповны; я имею в виду её женское здоровье.

Лекарь Катц посмотрел на Ефимию Иннокентьевну, и, подойдя к Лидии Потаповне, осмотрел её женские органы. Затем, сделав изумлённое выражение лица, сообщил Ефимии

Иннокентьевне, что Лидия Потапова оказалась в положении. В её возрасте, когда здоровье уже было ни то, а месячные по своей сути давно должны были исчезнуть и вместо них прийти так ненавистный женщинам климакс, это открытие не только для доктора Катц, но и для всех присутствующих было неожиданным.

Обе женщины тупо посмотрели друг на друга. «Что это такое? — подумали обе женщины. — Разве вообще такое возможно? Чтобы в таком возрасте быть женщиной?». Ответ они получили после того, когда лекарь Катц сказал: Чёрт возьми Вас Лидия Потапова. Почему Вы мне ничего не сказали.

— Что не сказал? — поинтересовалась, ненароком услышав эти слова, Ира. — Вы это о ком?

Авраам Рудольфович, посмотрев на женщин, сказал:

— Видите ли, Лидия Потапова была женщина... — он сделал паузу, подбирая слова. — интеллигентная и мудрая. — он снова сделал паузу. — Многие горожане ходили к ней за советом.

Женщины понимающе посмотрели друг на друга.

— Мы Вас поняли. — сказала Ира, а Ефимия Иннокентьевна, словно защищая Лидию Потаповну, добавила. — Мужчины у нас женщин всегда спрашивают совета. ЭТО ФАКТ.

— Но мужчины тоже неглупы.

Ефимия Иннокентьевна согласилась с Митрофаном, и добавил:

— Но мы женщины, всё же мудрей Вас мужчин.

Ира спросила:

— Может быть, Вы знаете, кто отец?

Этот вопрос был адресован обоим мужчинам. Но как предполагали женщины, мужчины, так и не ответили на этот вопрос. Дело в том, что к Лидии Потаповны ходили все горожане этого города за её мудрым советом. Никому не отказывая в своих мудрых советах, она принимала всех горожан этого города. Да, сюрприз так сюрприз. Кто знает, что ещё за сюрпризы приготовила эта дама двум расследующим её смерть женщинам.

Тут Митрофан сказал:

— Я, конечно, ни эксперт, но мне кажется, что отец этого ребёнка причастен к её смерти. — затем он добавил. — Вижу, что и Вы того же мнения.

Да, женщины были солидарно друг с другом. Факт, что Лидия Потапова была беременна, говорил о многом и задавал много вопросов. Кто угодно мог быть отцом этого ребёнка. Кто угодно мог быть убийцей.

Лекарь Катц сказал:

— Я согласен с Митрофаном. — он сделал однозначную паузу. — Ни только мы в подозрении этого преступления, а ещё целый город. — Вот же дела. — иронично добавил Митрофан. — Преступники оказались ни только мы, а ещё целый город. — победоносно сказал он. — Я же сказал. — саркастично добавил он. — Женщина-детектив — это нонсенс.

Женщины бросили ненавистный взгляд на Митрофана. Они обе считали себя оскорблёнными. Это ж надо, услышать такое. Услышать, что женщина не может раскрыть преступление. Это какой-то нонсенс.

— Вы не верите, что женщина способна раскрыть преступление? — строго спросила Ира у Митрофана.

— Я уже говорил, женщина-детектив — это нонсенс. Женщины созданы только для семьи, а не для частного сыска.

— По-Вашему женщина только и может, что сидеть дома и воспитывать детей?

— Это так.

— Мы Вам докажем, что это не так. Женщины могут быть в сыске полиции так же, как и лекарем.

– Что ж, Ира, — сказал Митрофан, словно не веря в успех этого дела. — Флаг Вам в руки, а я обязан доложить Тимофею Кондратьевичу об этом деле. — он сделал паузу. — Пусть он решает давать Вам дальнейшую работу по этому делу или нет. — Что ж, — небрежно бросила Ира. — Ваше право, Митрофан. Идите, — фыркнула она, — докладывайте. — после чего она почему-то решила, что Митрофан — стукач. — Да не забудьте добавить, что у Вас нет никакого алиби. — она сделала паузу и однозначно сказала. — Вы такой же подозреваемый, так же, как и лекарь Катц и все горожане этого города.

Митрофан сделал недовольное лицо. Он кипел от ярости. Подозревать его в смерти Лидии Потаповны — это был какой-то нонсенс. Покинув морг, он вышел на улицу, и быстрым шагом, словно бежав, направился в городской участок полиции, к провинциальному секретарю Тимофею Кондратьевичу.

Когда Митрофан покинул лазарет, лекарь Катц сказал:

– Я, конечно, не эксперт, но Митрофан тоже ходил к Лидии Потаповне за советом.

Ира спросила:

– И как часто он к ней заживал?

На что лекарь Катц двусмысленно развёл руками.

– Этого никто не знает. — сказал он. — Но то, что заживал, точно.

Глава 10 О Пелагее

Итак, теперь поговорим о Пелагее. Той самой женщине, которую женщины встретили по дороге в лазарет доктору Катц. Перед тем как произошли события, описанные в 9 главе этой истории, произошло следующее.

В кабинет доктора Катц вошли две женщины в сопровождении Митрофана. Войдя в кабинет, Митрофан представил двух женщин доктору Катц и добавил, что Тимофей Кондратьевич просил за них. Он сказал, что Ира послана в их город, дабы помочь ему — Тимофею Кондратьевичу в его нелёгком деле — поимке преступников. Что касается Ефимии Иннокентьевны то она лекарь, и если Аврааму Рудольфовичу будет угодна помощь Ефимии Иннокентьевны, то она с удовольствием тому его предоставит. Лекарь Катц не отказался от помощи Ефимии Иннокентьевны, и поимки преступников в лице Иры. Он сказал им, что он рад тому, что у него теперь будет работать с ним квалифицированный сотрудник, коего он хотел иметь в своём учреждении. После чего Митрофан изволил удалиться.

— Прежде чем начать, — сказала Ефимия Иннокентьевна, — мы бы хотели рассказать Вам то, что с нами сегодня произошло.

— Слушаю Вас. — с интересом, сказал лекарь Катц. — Вы, как я понял только вчера в город приехали и уже с Вами какие-то приключения произошли. Интересно, что в нашем маленьком городе могло с Вами случиться?

— Нас поселили на окраине города. — продолжала Ефимия Иннокентьевна. — Когда сегодня утром мы шли к Вам, Авраам Рудольфович, мы встретили женщину. Она была молода. — она сделала паузу, что бы перевести дух. — На вид ей было меньше тридцати лет, — продолжала она своё повествование. — Мне показалось, что ей было времени целая вечность. Её лицо было выглядело молодо. Оно было красиво и женственно. Но в то же время ужасно обезображено. На правом глазу была видна белая нарост во весь глаз.

— А. — догадался лекарь Катц. — По всей видимости, Вы говорите о Пелагее. — он сделал паузу, и тяжело вздохнув, добавил. — Жалко женщину. У неё проблема с глазами. Она родилась такой, и ничего уж тут не поделаешь. — горько развёл он свои руки, и тяжело вздохнув сказал. — Её бородавка. — он снова сделал паузу. — Её невозможно удалить, и она сама не хочет от неё избавляться. Она говорит, что, удалив её, она потеряет всю свою красоту. — он сделал паузу. — Не понимаю, как можно быть уверенной в своей красоте в совершенном уродстве своего тела.

Ефимия Иннокентьевна посмотрела на Иру, и, легонько улыбнувшись друг другу, сказала.

— Вы не правы. — сказала Ира. — Иногда внешнее уродство гораздо прекраснее, чем уродство внутреннее.

— Что Вы имеете в виду?

— Не знаю, — сказала Ира. — В этой женщине есть, что-то такое. Такое, что я не могу объяснить. — она сделала паузу. — Она сказала мне: «Пелагея. Меня зовут Пелагея. — она, сделав паузу, сказала. — Я ведьма этих мест. — она посмотрела на дом, который стоял за её домом и сказала. — Никто не знает, что произошло с прежним его жителями. — она сделала паузу и добавила. — Не верьте глазам, даже своим собственным. — затем она сказала. Мне пора. — затем завершила Иру Пелагея. — Я не прощаюсь, ещё встретимся». Она снова сделала паузу и добавила. После чего она исчезла. — не зная, что сказать ещё, Ира сказала следующее. — После этого эта женщина исчезла, а Митрофан сказал, что мы не могли её видеть, так как в этом доме никто не живёт. — затем она спросила доктора Катц. — Что это было? — она снова сделала паузу и добавила. — Ведь Вы утверждаете, что эта женщина жива!

Лекарь Катц задумался. Он не знал, что и сказать. Сказать-то вообще было, впрочем, не чего. Кто эта женщина, Пелагея. Кто эта молодая особа, которая в свои ещё молодые годы выглядела так, что можно было запросто сказать, что она юродивая. Лекарь Катц, возможно, знал правду о ней. Знал, но сказать её никому не решался. Он просто не мог её сказать. Ведь он когда-то обещал. Обещал другому человеку, что тайна такого уродства Пелагеи останется тайной. Тайну те, кто её знали, унесут с собой в могилу.

Да, много прошло с тех самых пор, когда родилась Пелагея. Некоторые говорили, что Пелагея молода, её не более тридцати лет от роду. Другие утверждали, что Пелагея родилась тогда, когда ещё на земле царил сам хаос. Они утверждали, что хаос и породил Пелагею. Она вышла из этого хаоса такой молодой, с таким уродливым лицом женщины, и такой молодой осталось.

Вчерашнее событие в этом городе косвенно подтверждало предположение людей этого города. Это непонятные явления. Развернувшиеся небеса, воронка, из которой вышел луч чистого света, а затем появились два тела. Было сомнение и на тот счёт, что из этой воронки не вылезло ещё что-то. Что-то зловещие. Что-то что возможно, убило Лидию Потапову.

Авраам Рудольфович знал, что Лидия Потапова была в курсе рождения Пелагеи. Она каждую неделю ходила к ней в гости и оставалась у неё на долгое-долгое время. Что она делала у неё этого никто не знал. Так же как и не, знали кто была такая Пелагея на самом деле.

Сейчас, когда Лидия Потапова была мертва, а Пелагея, которую видели обе женщины и про которую говорил Митрофан, не жила в этом доме по соседству с Ирой и Ефимией Иннокентьевной, лекарь Катц даже не знал что и сказать. Дело в том, что Пелагея давным-давно уже ни появлялась на людях. Все уже как будто забыли о её существовании. Но вот она появилась снова. Появилась неожиданно и исчезла. Словно растворилась в небытие.

— Эта женщина, — сказал Авраам Рудольфович, — эта Пелагея, — продолжал он, подбирая слова так, чтобы было понятно женщинам его мысль, — она обладает способностью появляться и исчезать в самых разных местах.

Ира не поняла.

— Это как?

Ефимия Иннокентьевна спросила:

— Что Вы имеете в виду?

Авраам Рудольфович сказал:

— Говорят, что Пелагея ни такая женщина, как все, и в этом Вы могли убедиться. — он сделал паузу. — Многие видели, как Пелагея исчезает. Исчезает прямо у них на глазах. — он снова сделал паузу. — Ведь как я понял из Вашего рассказа, она представилась Вам как ведьма этих мест.

— Мы этого не говорили. — поспешила ответить Ира.

— Я и не утверждаю, что Вы это говорили. — ответил Авраам Рудольфович. — Я просто предположил, и судя, как Вы мне ответили, я, пожалуй, не ошибся. — Женщины хотели что-то сказать, одна из них уже открыла рот. Но Авраам Рудольфович не дал им сказать и продолжил свою речь. — В здешних краях, да и вообще в России много ведьм. — он сделал паузу и добавил. — Я, пожалуй, не видел ни одной губернии, в которой не было своей собственной ведьмы, а в деревнях их хоть пруд пруди, не выловишь всех. — он сделал однозначную паузу и продолжил. — Да что там ведьмы. Если бы они были все нормальными ведьмами, а то многие из них просто шарлатанки, зарабатывающие деньги. — он снова сделал паузу. — Ведь настоящая ведьма денег не возьмёт, ей что принесут то она и берёт, — он сделал упреждающую паузу. — А эти! — неистова с возмущением произнёс он. — Всё себе в карман направят положить, а людям пользы нет. — он снова сделал паузу и продолжал говорить, переводя свой дух. — Так вот, Пелагея — ведьма. Ведьма, это факт. Она может исчезать так же быстро, как появиться. — он, снова сделав паузу, сказал. — Так что успокойтесь, Вы в абсолютном порядке. Вы видели

Пелагею. Она живёт в том доме. Но живёт так, что о ней никто не помнит. Дом, как стоит, так и стоит, его никогда не тронут. — он сделал паузу и добавил. — Об этом знала Лидия Потапова. Её сегодня привезли ко мне, и я определил её бездыханное тело в морг. — затем он сделал паузу. — Мне так же сказали, что Вы поможете мне Ефимия Иннокентьевна, в моём деле. — затем он обратился к Ире и спросил. — Не ужели Вы детектив?

– Да. — подтвердила та. — Я детектив. — затем она спросила. — А Вы знали о том, что знала Лидия Потапова или это она сама Вам сказала?

– Это Вы о чём?

– Я имею в виду Пелагею.

– Это имеет значение?

– Возможно.

Авраам Рудольфович сказал:

– Об этом знали не многие, только кому она доверяла. — затем он сказал. — Я не был исключением.

Женщины посмотрели друг на друга в знак полного удовлетворения рассказом доктора Катц, а затем Ира, обратившись к доктору Катц, попросила разрешение осмотреть труп Лидии Потаповны. — Извольте. — сказал лекарь Катц и сопроводил женщин в морг.

Глава 11 Новое преступление

Итак, Тимофей Кондратьевич сидел за столом на стуле. Он сидел в своём кабинете, в полицейском участке, и имел разговор с некой женщиной, у которой на глазу на правом глазу была видна белая нарость во весь глаз и огромный фурункул на веке её правого глаза. Она сидела напротив Тимофея Кондратьевича. На стуле. В руках она держала клюку. Вы, дорогие читатели, наверное, уже догадались, что эта женщина была не кто иная, как сама Пелагея. Да-да, она самая. Молодая женщина в самом соку. Вы спросите, что она делала в полицейском участке? Вызвал ли её по какому-либо делу сам Тимофей Кондратьевич, или что ещё, этого пришедшие в полицейский участок женщины, а с ними и мужчины не знали. Они ждали своей очереди в кабинет Тимофея Кондратьевича. Ждали, когда Тимофей Кондратьевич закончит беседу с Пелагеей. Что касается мужчин, то по сравнению с Митрофаном, Авраам Рудольфович Катц как будто бы не был ни капельки удивлён присутствию в кабинете Тимофея Кондратьевича Пелагеи. Да и мог бы быть удивлён Авраам Рудольфович, если он знал, что Пелагея есть Пелагея, и кто бы о чём не говорил, Пелагея останется Пелагеей. Ведьмой, как было принято считать в то время. Но о чём же беседовали эти два человека? О чём говорили? Сейчас Вы, дорогие читатели, это узнаете.

Итак, начнём.

— Я всегда говорила Вам, что с этим местом, что-то не в порядке. — говорила Пелагея. — Я всегда чувствовала, что с этим местом, что-то не в порядке. — она сделала паузу и добавила. — Смерть Лидии Потаповны — лишь малая часть зла, которое причинит Вам это место.

Тимофей Кондратьевич слушал Пелагею, затаив дыхание. Он понимал, что смерть Лидии Потаповны, возможно, связана с тем, о чём сейчас говорила Пелагея. А Пелагея говорила о том, что Лидия Потапова умерла не оттого, что была больна, она умерла оттого, что не могла видеть то, что видеть собственно была не должна. Вы будете спрашивать Пелагею, что не могла видеть Лидия Потапова? Ответ на этот вопрос прост; Лидия Потапова каким-то образом заглянула в будущее страны. Впрочем, почему каким-то образом? Ответ на этот вопрос оказался простым; она обладала предвидением. Она могла заглянуть в будущее и увидеть события, которые произойдут в ближайшие года.

Лидия Потапова не знала, откуда взялся этот дар. Почему именно она стала видеть будущее. И не просто видеть, а иногда вносить в него свои коррективы. Вот так, в один из вечеров она увидела в своём сознании, его надсознании, подсознании своего сознания свою будущую потилицу которая жила вовремя, которое было слишком далёкое для того, чтобы увидеть его полностью. Лидия Потапова увидела только её часть. Ту его часть, которые относились ко всем военным действиям, которые должны произойти в XXI веке, и которые она, как бы ни хотела, не могла изменить. В этой гуще событий она увидела молодую женщину портрет которой висел у неё на стене. И всё бы ничего, если бы на стене не висел не её портрет, а висел её. Каким-то образом она почувствовала, что должна помочь этой женщине, которую она видела там, в далёком будущем. Помочь во что бы — то ни стало. Помочь избежать той страшной участи её жизни коя была предопределена её родственница, её далёкая правнучка. — Лидия Потапова, понимая всю ответственность зато, что она хотела сделать, пришла ко мне и попросила меня о помощи. — говорила Пелагея Тимофею Кондратьевичу. — Я предупреждала её, что это может плохо кончиться, но она ни хотела меня слушать. Ей было важно сделать то, что она в итоге и осуществила. — она сделала паузу. — Очевидно, — сказала она, в этот портал проникло что-то и уничтожило Лидию Потаповну. — Пелагея, сделав паузу, продолжала свою речь. — Я не знаю, что это, и где оно сейчас, но одно я знаю точно, надо искать не человека, а монстра внутри его.

Эти слова не лишены смысла. Тимофей Кондратьевич, выслушав все доводы Пелагеи коих, она привела достаточно, чтобы точно сказать, что Лидия Потапова, пожертвовав собой, дала надежду жизни другому человеку. Но кому она подарила эту жизнь? Этому он ещё не знал.

— Эта по моему мнению Ира. — сказала Пелагея. — Её портрет висел в комнате Лидии Потаповны. — она, сделав паузу, добавила. — Как-то раз она мне сказала, что именно её образ художник перенёс на этот портрет.

— Кого? — поинтересовался озадаченный, но вполне заинтересованный в рассказе Пелагеи Тимофей Кондратьевич. — Лидию Потаповну?

— Нет. — однозначно ответила Пелагея и назвала имя. — Иру. — она сделала паузу, и посмотрев на Тимофей Кондратьевича взглядом полным вопросов, сказала, словно, чувствуя, что кто-то за стеной ожидает аудиенции с Тимофеем Кондратьевичем. — Кстати, Ира ждёт, когда Вы примете её вместе с Ефимией Иннокентьевной. — она сделала паузу... — «Они неразлучны словно сёстры. — подумала она, — Впрочем, подруги, если они действительно подруги никогда не бросят друг друга в беде. — она снова сделала паузу в размышлениях. — Очевидно, — решила она, — Ефимия Иннокентьевна не могла оставить подругу в беде и прошла вместе с ней через время и пространство». — затем она сказала. — Я бы хотела присутствовать при этом разговоре.

Поэтому Ира и видела призрак Лидии Потаповны. Она призвала её в её мир спасая от бесконечных войн. Лидия Потапова хотела, чтобы ребёнок Иры, который должен был родиться, и о котором Лидия Потапова уже знала, должен был вырасти тем человеком, с которым в истории сказали: он сделал многое, и его имя прославится в веках, а не умрёт вместе с ним, даже не родившись.

— Что ж, — сказал Тимофей Кондратьевич, — я не буду возражать, если Вы останетесь. — затем он пригласил в свой кабинет двух женщин и пришедших с ними Митрофана и Авраама Рудольфовича.

Войдя в кабинет, увидев сидящую на стуле Пелагею, Ефимия Иннокентьевна и Ира были в недоумении. Они не знали, чему им верить, глазам или разуму. Как это вообще возможно, как это объяснить? Они видели, как эта женщина исчезла, а Митрофан говорил, что в том доме, где была она — Пелагея, не могла там находиться, так как, по утверждению Митрофана, она давно там не жила.

Это утверждение противоречило иному утверждению. Утверждению Авраама Рудольфовича Катц, который утверждает, что Пелагея живёт в этом доме, но её невозможно увидеть пока она сама этого не захочет.

И вот, вот она, сидит на стуле в кабинете Тимофей Кондратьевича и смотрит прямо на них. Вот она, та красивая молодая женщина уродливо-красива. В уродстве тоже есть своя красота, своя изюминка. Ведь в красоте есть своя жестокость, своя загадочность, своя прелесть. Бывает красота ядовитая, змеиная. Красота розы шипов.

Мы видим красивый цветок и не можем дотронуться до него. Только смотреть и возжелать его.

Мужчины тоже видели её. Видели и не понимали, что это реальность или обман зрения? Ведь Пелагея для всех была лишь мифом. Мифом, который был легендой этого города, да и вообще всей губернии.

Видя недоумения на лицах, вошедших в кабинет, она легонько улыбнулась и сказала.

— У Вас лица как будто бы призрака увидели. — она сделала однозначную паузу. — Нет, я не призрак. — сказала она. — Я реальна. Реальна, как Вы... — обратилась она к женщинам, а затем к мужчинам, — и Вы. — она сделала паузу, словно подбирая слова. — Вы все считаете меня призраком. — продолжала она свою речь. — Признаком того дома и вообще этого города. — она, снова сделав паузу, сказала с грустинкой. — Что ж, я не буду утверждать обратное, возможно, Вы и правы. — она обратила свой взор на Иру. — Да. — однозначно сказала она.

— Вы не ошиблись. «Я знаю всё», — неожиданно для всех сказала она. — Я знаю всё, что происходит сейчас и здесь в эту секунду.

Ира спросила.

— О чём это Вы?

— О чём? — усмехнулась Пелагея. — Я о том убийстве, которое произошло в городе. — она сделала паузу. — Какое убийстве?

— Не будьте душой, Ира. — сказала Пелагея. — Неужели Вы думаете, что я и весь город не знают о смерти Лидии Потаповны. — и добавила. — Это есть непреложный и однозначный факт.

Все присутствующие посмотрели сидящего за столом Тимофей Кондратьевича.

Тимофей Кондратьевич сказал:

— Пелагея, знает этот город как свои пять пальцев. Она поможет нам в расследовании этого убийства.

— Как убийства? — спросила Ира. — Разве кто-нибудь ещё умер?

— Только что пришла депеша из смоленской губернии, так в ней написано, что по дороге в наш город на дороге из Смоленска были застигнуты врасплох и убита Раиса Потапова, и ранен надворный советник Роберт Карлович. — он сделал паузу и сказал. — У подавших, очевидно была однозначная цель, убить Роберта Карловича. Но это у них не получилось. Вместо него они убили не того человека.

— А если того. — предположила Ира. — Представьте себе, что тем, кому нужно было убить, убили того человека, которого они хотели убить. — она сделала паузу. — Речь идёт о Раисе Потаповны. — пояснила Ира. — Что касается...

— Я Вас понял. — сказал Тимофей Кондратьевич и задумался. Он отлично понимал, что это возможно безумие. Раиса Потапова убита, а Роберт Карлович всего лишь ранен. Но как это возможно? Разве у надворного советника не должно было быть охраны, а Раиса Потапова не должна была ехать в другой карете? Должна. Почему же они были вместе в одной карете? Ответ пришёл сам собой. Роберт Карлович любил театр и находил своё общество в обществе актрис дозволенным.

Ира спросила:

— Роберт Карлович вёз ли какие-либо документы? Он ведь должен был привести в этот город городничих?

— Совершенно Верно. — поспешил ответить Тимофей Кондратьевич и подтвердил. — Должен.

Ира осторожно поинтересовалась:

— А кто знал, что Роберт Карлович везёт документы?

— Этого я не могу знать точно. — ответил Тимофей Кондратьевич Ире. — Я лишь знаю, что об этой его поездке знали не только в Смоленске, но и в Петербурге тоже. — он сделал паузу, и испугавшись, что его предположение обосновано, сказал. — Вы же не думаете, что... — он сделал паузу и добавил. — Это безумие.

Поняв, что Тимофей Кондратьевич понял её мысль, Ира поинтересовалась:

— Я спрошу по-иному. — она сделала паузу, давая понять, что сейчас она спросит о том, о чём Тимофей Кондратьевич боялся подумать. — Знал ли кто-либо в городе, что направляющийся в город Роберт Карлович везёт бумаги особой важности?

Да, вопрос так вопрос. Кто может знать, кто и что везёт, если ему не сказали об этом. Только тот, кому это было выгодно. А выгодно это только врагам отечества. Тем, кого всю жизнь называли и будут называть шпионами или предателями. Но кто мог знать об этом? Кто мог быть в курсе происходящего? Ответ, возможно был бы прозаичным, если бы он не был так ужасен и логичен.

Единственный, кто мог бы быть тем, кто мог бы быть тем, кого имела в виду Ира и кого имел в виду Тимофей Кондратьевич, это был не кто иной, как некий купец по фамилии Шульц Фадей Платонович. Сорокалетний мужчина. Довольно упитанный и здоровый как бык. Он любил курить сигары на свежем воздухе, и заниматься торговлей. Торговал он лесом. Прибыльное дело. Его лес шёл на экспорт и также много его он торговал и в России. В общем, так или иначе дела шли и шли достаточно неплохо.

По своей деятельности он имел дело со многими людьми, в том числе и с иностранцами. Чем он не мог бы быть предателем, и если это так, то он будет ждать, когда ему привезут документы особой важности, которые он, очевидно передаст третьему лицу.

– Нет-нет, этого не может быть! — говорил Тимофей Кондратьевич. — Чтобы в городе находился такой человек в лице Фадея Платоновича, не верю.

– Я не утверждаю, что господин Шульц стал предателем. — Ира сделала однозначную Паузу. — Но нельзя исключать ни одного варианта.

– Я с Вами совершенно согласен. — сказал Тимофей Кондратьевич. — В подобных делах все находится под подозрением. — Так что же, у Вас есть предположение кто мог убить Лидию Потаповну?

Ира задумалась. Она посмотрела на Ефимию Иннокентьевну и поняв друг друга взглядом, Ира сказала:

– Это дело довольно запутанное. — она сделала паузу. — Я уже сделала некоторые выводы, но, в силу новых обстоятельств я не могу быть достаточно объективным. — она снова сделала паузу и добавила. — Это письмо стало для меня неким фактом, что я была не объективна. Я не знаю, какие бумаги вёз Роберт Карлович, и вообще не знаю, да и никто не знает, что случилось с Робертом Карловичем, и Раисой Потаповной. Я могу лишь предположить, что...

– Ваше предположение верно. — поспешил сказать Тимофей Кондратьевич и добавил. — У нас, у всех, — он снова сделал паузу и уточнил. — У каждого свои скелеты в шкафу. — согласилась Пелагея. — Скелеты у всех свои, — сказала она и добавила, — и все они у нас в шкафу.

– Ну ладно. — сказал Тимофей Кондратьевич. — Конечно, об этом деле с Роберт Карловичем можно было ещё побеседовать, но давайте вернёмся к покойной Лидии Потаповне. — он обратился к Ефимии Иннокентьевне. — Что Вам удалось узнать?

Ефимия Иннокентьевна понимала, что от её ответа зависит дальнейшее расследование этого запутанного дело. Что можно было сказать по этому делу? То, что обнаружила Ефимия Иннокентьевна, сделав своё собственное заключение, в подтверждении заключение Иры, она спросила:

– Вы знали Тимофей Кондратьевич, что Лидия Потапова больна?

– Я не знаю, какие болезни были у Лидии Потаповны. — он сделал паузу и уточнил. — Я полисмен, а не лекарь. — затем он сказал. — Состояние здоровье Лидии Потаповны должен был знать присутствующий здесь достопочтенный лекарь Катц. — Да, это так. — подтвердил Авраам Рудольфович. — Я знал состояние здоровья Лидии Потаповны. Последнее время она не выходила из дома, болела.

– При вскрытии был обнаружен у Лидии Потаповны рак лёгких, и у неё был констатирован разрыв сердца.

– Совершенно верно. — сказал лекарь Катц, спросил. — Что Вы имеете в виду? — Также Вы сказали, что она принимала лекарство, которым Вы, Авраам Рудольфович, ей кололи.

– Это так. — подтвердил лекарь Катц. — Лекарство снимало боль, которой она страдала из-за своей болезни.

– Вы можете сказать, чем была больна Лидия Потапова?

– Нет. — однозначно сказал лекарь Катц. — Это врачебная тайна.

– Хорошо. — сказала Ефимия Иннокентьевна. — Пусть так. — она сделала паузу. — Если Вы не можете ответить, чем болела Лидия Потапова, то Вы можете сказать; лекарство было для Лидии Потаповне лекарством или Вы не знаете, какой эффект у этого препарата? — она сделала паузу. — Вы знали, что чрезмерное употребление этого препарата приводит к его зависимости, и как следствие к смерти.

– В малом количестве этого препарата не возникает к нему привыканий. — он сделал паузу и сказал. — Во время операций этот препарат самый необходимый препарат. Вы же не будете возражать, если оперировать человека на живую, то он умрёт от боли.

– Это так. — согласилась Ефимия Иннокентьевна. — Умрёт.

– Так, в чём же Вы обвиняете меня, позвольте. — Но мы говорим о не операциях, а о том, что Вы почивали им Лидию Потаповну в течение долгого времени. — она сделала однозначную паузу. — Вы знаете, что в этом случае это лекарство вызывает привыкание и зависимость от него. — Это наукой ещё не доказано. — сказал лекарь Катц. — В Европе есть специальные заведения, в которых... — заключил он свою мысль. — Это факт.

– Авраам Рудольфович. — сказал Тимофей Кондратьевич. — До Европы далеко, а мы в России живём. Так что отвечайте на вопрос: Вы знали, что этот препарат делает или нет?

На что лекарь Катц ответил:

– Лидии Потаповне, как я уже давеча говорил Ире и Ефимии Иннокентьевне была нужна помощь, и она её получила. — затем он сказал. — Я облегчил пациентки невыносимую боль, и за это Вы обвиняете меня в том, что я причастен к её смерти?! — возмутился он.

– Мы просто хотим понять причину смерти Лидии Потаповны. — сказала Ефимия Иннокентьевна. Затем она спросила. — Скажите, Авраам Рудольфович, были ли у Лидии Потаповны галлюцинации после укола опия?

На этот вопрос Авраам Рудольфович не мог ответить однозначно. Дело в том, что галлюцинации от применения этого препарата возможны. Но как определить их, если галлюцинации могут быть вызваны самим подсознанием человеческого разума. В его подсознании подавлении боли тело — его внутреннего дискомфорта.

Человек может сам вызвать галлюцинацию своего подсознания тогда, когда подсознание человека нуждается в комфорте — избавление тело от боли.

– Галлюцинация для Лидии Потаповны были для неё спасением от боли, какую она испытывала всё время.

– Что Вы имеете в виду? — поинтересовалась Ефимия Иннокентьевна. — Галлюцинация и избавление от боли ни одно и то же.

– Я с Вами согласен. — сказал лекарь Катц. — Избавление от боли и галлюцинация — это ни одно и то же.

– Так Лидия Потапова страдала галлюцинациями или нет?

– А Вы как думаете?

– Я думаю, что галлюцинации возникали периодически у Лидии Потаповны через мерного употребления опия.

Тут в разговор вмешался Тимофей Кондратьевич.

– Вы хотите сказать, что это лекарь Катц виновен в смерти Лидии Потаповны?

– Вот теперь на меня всех собак повести. — сказал раздражённый Авраам Рудольфович. — Если нет на кого повесить убийство, вышить надо на того кто для этого подходит. — он сделал паузу. — В данном случае это лекарь Катц. Всегда лекарь Катц. — был раздражён Авраам Рудольфович. — А что?! — спросил он. — Лекарь Катц подходит для этой роли. Как же, ведь он давал лекарства Лидии Потаповне...

– Не ёрничайте. — обрезал Тимофей Кондратьевич Авраама Рудольфовича. — Вас пока никто не обвиняет в убийстве Лидии Потаповны.

– Вот именно; — сказал Авраам Рудольфович — пока.

Тимофей Кондратьевич сказал.

– Если человек не виновен, то и бояться ему нечего. — он сделал однозначную паузу. —

Полиция и суд во всём разберётся.

Авраам Рудольфович иронично сказал:

– Вряд ли. — он посмотрел на Ефимию Иннокентьевну и сказал. — Я не знаю, что снилось Лидии Потаповне, когда я колол ей обезболивающее, но... — неоднозначно сказал он. — я не наблюдал у неё признаков галлюциногенного расстройства личности.

– Значит, Вы считаете, что эти уколы не могли спровоцировать галлюциногенное расстройство личности.

– Нет. — однозначно заявил Авраам Рудольфович. — Не могли.

– Вы сказали, когда пришли в дом Лидии Потаповны, Вы увидели там Митрофана. — спросила Ира. — Это так?

– Совершенно верно. — заявил Авраам Рудольфович. — Это так.

Не дожидаясь вопроса, на который уже был ответ, Митрофан однозначно заявил:

– Меня послал Тимофей Кондратьевич к Лидии Потаповне.

– Совершенно верно. — подтвердил Тимофей Кондратьевич. — Посылал.

– Когда Вы пришли к Лидии Потаповне, она была ещё жива или нет?

– Она уже преставилась. — однозначно сказал Митрофан. — Я проверял.

– Как?

– Пощупал пульс усопший.

– И?

– Пульс отсутствовал.

– Вы это поняли сразу?

– Да, тотчас же.

– И что Вы сделали дальше?

Этот вопрос немножко обескуражил Митрофана. Он не помнил, что было дальше? Что он делал? Он знал лишь одно. Он пошёл обратно к Тимофею Кондратьевичу, можно сказать побежал чтобы сообщить ему о преступлении.

В это самое время Тимофей Кондратьевич сказал.

– Отвечайте на поставленный вопрос.

Митрофан понял, если он не подтвердит своё алиби, которое у него, впрочем, алиби у него не было. Он окажется под подозрением в убийстве Лидии Потаповны.

– Вы считаете, что это я убил Лидию Потаповну, так вот, Вы ошибаетесь. Я не убивал Лидию Потаповну, когда я пришёл, она была уже мертва.

– Расскажите, что Вы видели, когда пришли в дом покойной? — спросила Ира. — Может, Вы видели, что-то что Вы посчитали за чего-то такое к чему не придали значение?

Митрофан задумался. Он не видел ничего такого, что могло бы оправдать его. Впрочем, это ни так. Подходя к дому Лидии Потаповны, он заметил, что у её дома — напротив входа у столба сидел прокажённый. Он смотрел на дверь Лидии Потаповны, показывая на неё правой рукой, и что-то мычал. Тогда невозможно было понять, что мычал этот прокажённый. Что он хотел сказать. И когда Митрофан приблизился к нему, тот встал и быстро удалился. Рассказав об этом всем присутствующим, Митрофан также добавил, что этот человек, возможно мог быть убийцей, а возможно и свидетелем преступления. Во всяком случае, после этого случая прокажённый словно провалился сквозь землю. Он растворился словно его не было вовсе.

Тимофей Кондратьевич, выслушав Митрофана, предположил, что этот прокажённый явился в город из самого Бреста или Смоленска. Только там были больницы, где лечили таких людей.

– Авраам Рудольфович, — обратился к нему Тимофей Кондратьевич, — обращался ли к Вам кто-либо с проказой?

— Это очень сложный вопрос. — сказал Лекарь Катц. — Если Вы имеете в виду вообще, — уточнил Авраам Рудольфович, — то, конечно, я лечил проказу, было дело.

— А в нашем городе?

— Нет. — однозначно сказал он. — Не лечил.

Ира предположила.

— В этом случае, этот прокажённый ещё один подозреваемый, и если это не он убил Лидию Потаповну, и видел убийцу, то надо разыскать его. — затем она поинтересовалась у Митрофана. — Этот прокажённый был мужчина или женщина?

— Этого я не могу сказать, так как на нём была мантия с капюшоном, и лица его не было видно.

— Тогда с чего Вы взяли, что этот человек прокажённый?

— Я согласен с Ирой. — сказал Тимофей Кондратьевич.

— С чего Вы взяли, что человек, которого Вы видели перед домом Лидии Потаповны, то есть перед её дверью, что он болен проказой?

— Не знаю. — пожал плечами Митрофан. — Мне так показалось.

Лекарь Катц поинтересовался.

— Митрофан, Вы знаете симптомы проказы?

— У меня отец умер от проказы. — сказал Митрофан. — Так что я знаю о проказе достаточно много.

— И Вы уверены что у человека которого Вы видели был болен проказой?

— Его рука была вся в язвах. — пояснил Митрофан. — Проказа, проказа и есть.

Ефимия Иннокентьевна спросила:

— Вы не видели, кровоточили язвы, которые Вы видели на руке прокажённого? — Я на это не обратил особого внимания. — признался Митрофан. — Дело в том, что от вида кровоточащей руки да и всего тело у меня тотчас подступает... извините за подробности, тошнота.

Ефимия Иннокентьевна понимающе посмотрела на Митрофана и спросила:

— Эти язвы порой пахнут гноем, Вы не чувствовали этого пакостный запах гниения.

Митрофан задумался. Он не чувствовал никакого запаха, который должен был быть при гниении язвы гнойника. Впрочем, можно было всё свалить на ветер, который дул ни в ту сторону, или в ту, которую надо? На этот вопрос у Митрофана не было однозначного ответа.

— На этот вопрос у меня нет ответа. — Надо нам поспрашивать, — сказала Тимофей Кондратьевич. — Может кто-нибудь видел этого прокажённого. — он сделал паузу. — Хотя вряд ли. — он сделал паузу и заключил. — Если это только не какая-либо инсценировка, то этого прокажённого мы уже не увидим.

— Вы хотите сказать, что...

— Да-да, — сказал Тимофей Кондратьевич. — Вы правильно меня поняли. Если эти два убийства не связаны меж собой. Я имею ввиду убийства Лидии Потаповны, Раисы Потаповны и покушение на надворного советника Роберт Карловича, который должен был приехать в наш город, то, скажу я Вам, это дело политической важности.

— Я с Вами совершенно согласна, — сказала Пелагея, — это дело пахнет политикой. Но причём тут Лидия Потапова, вопрос.

Тимофей Кондратьевич поинтересовался.

— Пелагея, а что Вы так думаете об этом деле, — и добавил, — лично.

Пелагея нахмурилась. Она понимала, что в данный момент все присутствующие в этом кабинете подозреваемые. Всё бы ничего, если вся эта история не омрачалась бы покушением на убийство надворного советника Роберта Карловича, и похитить бумаги особой важности. К тому же Раиса Потапова была убита. Очевидно она ехала вместе с ним, с Робертом Карловичем в одной карете. Возможно ли, что она была причастна к похищению этих бумаг и покушению на убийство, а, можно сказать, и несостоявшегося убийства надворного советника Роберта Кар-

ловича. Эти вопросы оставались неизвестными. Одно можно было сказать точно, сейчас надо было понять отчего умерла Лидия Потапова? Что или кто стал причиной её смерти? Лекарь Катц, дававший ей лекарство, Митрофан которого Авраам Рудольфович видел в доме у Лидии Потаповны? Или кто-то третий. Этот прокажённый, например, коих в то время в России было достаточно много, но не больше чем во времена Софьи Алексеевны — Императрице Российского трона.

— Честно говоря, вся эта история очень странная. — сказала Пелагея. — С одной стороны убийство Лидии Потаповны, а с другой — попытка убить надворного советника Роберт Карловича, у коего выкрали документы особой важности. — она сделала паузу в своих размышлениях. Анализируя происшедшие, Пелагея понимала, что возможно эти дела как-то связаны меж собой. Из долгих бесед с Лидией Потаповной она слышала много странных историй из её уст. Некоторые были настолько странные и неподдающиеся никакому объяснению, что если бы Пелагея не была бы что ни на есть настоящей ведьмой, то вряд ли бы поверила во все эти фантастические истории про неких чудовищ, прибывших с неба и поселившихся на этой планете, чтобы как покажет история завоевать её. — Если Вы спросите меня моё мнение на этот счёт, то я скажу так. — снова долгая пауза. — Мне Лидия Потапова говорила, в то время когда я приходила к ней, после того, как Авраам Рудольфович приходил к ней и как я понимаю снимал боль опиумом. После этих приходов, — продолжала она свою речь, — Лидия Потапова говорила мне о неких монстрах, которые посещали её в то самое время когда она была под воздействием лекарства, которое давал ей лекарь Катц. — затем она добавила. — Этот препарат погружает человека в иной мир. Да, — утверждала Пелагея, — этот препарат является своеобразным стимулом для человека, который хочет поговорить с богом. Лекарь Катц, — продолжала она свою речь. — я вижу, что Вы хотите мне возразить. Вы считаете, что этот препарат только снимает боль? Вы ошибаетесь. — продолжала она. — Вы же отлично знаете, что за границей многие принимают это лекарство, и, их тело расслабляется до той степени, что, в конце концов, оно зависит от опиума.

— Но если это лекарство — это единственное средство избавить человека от его страданий, — возразил лекарь Катц, — что тогда? — Тогда рано или поздно человек привыкнет к опиуму и не сможет жить без него. — она снова сделала паузу. — Вы знаете, я ни так давно была в Тибете. Эта страна закрыта для иностранцев. Так вот, там входят в транс без каких-либо препаратов. Они молятся там своему богу, Будде, и сами погружаются в транс. — она, снова сделав паузу, продолжила. — Как-то раз я явилась в сознание одного из тибетских монахов, и спросила его, что он видит, когда находится в транс. Он мне сказал: мне открывается прошлое и будущее. Пересечение времени и точка пересечения миров, которые находятся так далеко от земли, и неподвластно нашему сознанию — осознанию грядущей катастрофы в скором времени, что наше сознание не может до конца осознать, что произойдёт в грядущем ужасного, что человек посчитает освобождением от терроризма. На самом деле террор придёт к ним по их собственной воле. — затем она неожиданно сказала. — Да Вы и сами об этом знаете.

Тимофей Кондратьевич внимательно смотрел на Пелагею, словно пытаясь понять, что имеет она в виду. Террор это ужасающее слово не могло соскочить с языка Тимофей Кондратьевича. Он вспомнил, что давеча Ефимия Иннокентьевна рассказала историю России вплоть до 1917 года, когда к власти придут большевики, и что их власть продлится до 1991 года. Он вспомнил слова Ефимии Иннокентьевны. Она сказала: «...Вы сами первые начали, Ефимия Иннокентьевна, — сказал Тимофей Кондратьевич. — Теперь извольте говорить до конца. — затем он спросил. — Что произойдёт в ближайшее время? И почему из моды выйдет мода на современного платья. — Что ж, если желаете я Вам скажу, что Россия ещё пробудет в том виде, в котором она сейчас есть до 1917 года. Затем власть переменится, и до 1991 года России так какой не будет. — затем она рассказала о знаменательных событиях, которые произойдут в XIX веке...».

«Очевидно это и есть тот самый террор, о котором говорила мне Ефимия Иннокентьевна. — подумал Тимофей Кондратьевич. — очевидно это он и есть».

Видя, что Тимофей Кондратьевич задумался. На его лице было видно недоумение, Пелагея сказала:

– Вы правы. — словно читая его мысли, сказала она. — Вы уже знаете, что это так и будет. — она посмотрела на женщин. — Эти две женщины знают больше чем все присутствующие в этом кабинете. — она, снова сделав паузу, сказала. — они обе из будущего. — она сделала паузу, видя, что все присутствующие в были не на шутку удивлены, а у Митрофан даже обескуражен таким заявлением со стороны Пелагеи. — Да-да, — сказала Пелагея обоим женщинам. — Я знаю, что Вы из будущего, и Вы обе знаете гораздо больше, чем Вы, Тимофей Кондратьевич. И Вы Митрофан.

Митрофан недоумённо посмотрел на Пелагею, затем на обеих женщин.

«Я не знаю, как это Пелагея узнала насчёт будущего, и вообще, так ли это? Но как она узнала о Ефимии Иннокентьевне и Иры, это был вопрос. Впрочем, Пелагея — ведьма, а порой ведьма знает много». — затем он спросил у Пелагеи. — Откуда Вы знаете?

– Я знаю многое. — сказала Пелагея. — Я ждала, когда в наш город придут две женщины. — она сделала паузу, и, глядя на женщин, сказала. — очевидно это Вы и есть Ира и Ефимия Иннокентьевна.

Женщины удивлённо переглянулись меж собой, а затем Ира удивлённо спросила Пелагею:

– Вы знаете, откуда мы? — Знаю. — ответила Пелагея. — Вы прибыли к нам из будущего, чтобы помочь нам здесь, в Вашем прошлом, в этом настоящем.

Не понимая, как это возможно? Как эта женщина могла знать откуда они явились, Ефимия Иннокентьевна поинтересовалась.

– Скажите, Пелагея, зачем мы здесь? — Этого я не могу сказать точно. — ответила Пелагея. — Я только знаю, что Вы Ира беременны. — она сделала паузу, затем продолжила. — Ваш ребёнок должен вырасти спасителем этого мира. Его потомства спасёт мир, который скоро наступит от неминуемой гибели. — Что ж, — сказала Ефимия Иннокентьевна, смотря на Иру, — в этом мире всё возможно. — она сделала однозначную паузу. — Возможно всё.

Видя, что разговор зашёл в тупик, что больше не о чем говорить на эту тему, Тимофей Кондратьевич спросил:

– Всё же, кто убил Лидию Потаповну? — она сделала паузу. — Или отчего она умерла? — он посмотрел на Иру и спросил. — У Вас есть версии или будем только в догадки играть?

Женщины посмотрев на Митрофана и на доктора Катц, Ира сказала:

– Я знаю ответ на этот вопрос. — она сделала паузу и добавила. — Но прежде мне надо поговорить с купцом.

– С Фадеем Платоновичем? — уточнил Тимофей Кондратьевич. — С Шульцем? — Совершенно верно, — подтвердила Ира. — С Шульцем.

Глава 12 Купец Шульц и Марья Потапова

Итак, купец первой гильдии Фадей Павлович Шульц. Сорокалетний мужчина. Довольно упитанный и здоровый как бык. Он любил курить сигары на свежем воздухе, и заниматься торговлей. Торговал он лесом. Прибыльное дело. Его лес шёл на экспорт и также много его он торговал и в России. В общем так или иначе дела шли и шли достаточно неплохо.

Сидев в кресле на свежем воздухе и курив сигару кою, привёз из самого Лондона, где он был по купеческим делам. Вернувшись из Лондона, он сказал своим придворным: в Лондоне жизнь ни то, что в России, куда ни пойдешь ничего не видно, всё время — один туман. Не зря его называют в народе остров туманного Альбиона. Георг III — Кароль Англии, мне кажется, вообще не вылезает из своего Тауэра — так называется тамошний замок, в котором короли живут. Да что короли живут, их там и убивают, — головы с плеча рубают. К примеру, Карл I Его казнь состоялась 30 января 1649 года в самом Лондоне. А Анна Болейн, её двоюродная сестра Екатерина Говард. Мария-Антуанетта, Мария Стюарт. Да мало ли ещё. Дикость какая-то, чтобы казнить своих же. Ну ладно иноземцев, но своих, не понимаю. Нежели у нас — в России благодать. Один воздух у нас в России особый, а природа... — он, затянувшись сигаретой, выдохнул густой дым из своих Лёгких и сказал. — Как хорошо. — затем добавил. — Чисто.

В это самое время чей-то голос позади него произнёс:

— Фадей Павлович, Ваше поручение выполнено.

Фадей Павлович посмотрел на говорящего позади себя. Это была молодая женщина примерно лет сорока. Красивой внешности. Её формы были довольно сексуально-привлекательными, хотя не лишено недостатков. Не пугайтесь, тех уродливостей, кои присутствовали у Пелагеи у этой женщины не было, однако она не чувствовала себя полноценной женщиной, так как бог не одарил её женской грудью, которую должен был её одарить. У неё не было даже размера «В», скорей всего «А», от чего женщина, глядя на женщин с размером груди С или D грустно вздыхала завидовав женщинам белой завистью. Звали её Марья Потапова

— Что сказал Родион Кузьмич? — спросил купец Шульц. — Он ответ дал?

— Родион Кузьмич просил передать, что эти условия для него неприемлемы. Родион Кузьмич не может принять Ваши условия.

— Какие именно он не сказал?

— Как это не сказал? — проворчал недовольно Шульц. — Он был обязан сказать на каких условиях...

Не успел он договорить, как женщина сказала.

— Сколько я его не уговаривала, он наотрез ни захотел иметь с Вами никакого дела.

Купец Шульц удивился. Он не понимал, почему его лес не хотят покупать и поставлять на импорт. Но ответ стался сам собой. Везде по всей России был лес, а это значит, что каждый мог его сбывать на экспорт или на импорт.

— Вот... — выругался Фадей Павлович. — У нас же контракт!

— Контракт контрактом, а денежки счёт любят.

— Что Вы имеете в виду?

— Он может продолжить сотрудничество. — сказала женщина. — Но за акции фирмы, которую он создаст вместе с Вами и со мной.

— Это интересно. — сказал купец Шульц. — Он хочет мою долю в моём бизнесе и хочет создать фирму, которую я основал. — неистова, — утверждал Фадей Павлович. — Это я! — затем он перевёл дух, затянулся сигаретным дымом и выдохнув из лёгких густой дым, сказал. — **СВОЛОЧ.** — затем он встал с кресла и посмотрев вдаль, сказал. — По-видимому придётся менять бизнес.

Женщина подойдя к мужчине и положила ему на плечо свою руку, сказала:

— Мне тоже не нравится этот Родион Кузьмич, но сейчас наклёвывается хорошая сделка. — она сделала паузу. — Я слышала, что скоро будут строить ещё дома, лес будет кстати.

Тот посмотрел на женщину и спросил:

— И что Вы предлагаете, Марья Потапова?

Та нежно посмотрев на Фадея Паловича и легонько улыбнувшись сказала:

— Я думаю, что в данный момент ссориться не сто́ит недооценивать своих врагов. — она, сделав паузу, сказала. — Родион Кузьмич хочет высоко взлететь. Он рассчитывает на то, что если он объединит с Вами достопочтенный Фадей Потапович дело, то он со временем я так предполагаю захочет стать монополистом. — она сделала короткую, но довольно внушительную паузу и сказала. — Очевидно он захочет выкупить у Вас Вашу долю бизнеса. — предположила она. — Тогда... — она запнулась, затем сказала, — я обещаю, — заверила Марья Потапова Фадея Паловича, — я сделаю всё, чтобы бизнес остался в Ваших руках, Фадей Павлович.

Купец Шульц, смотря на Марью Потапову, сказал:

— Я верю, что Вы мне поможете. — сказал купец Шульц. — Поможете, как всегда, мне помогаете.

— Я всегда буду Ваша. — сказала Марья Потапова. Она сделала паузу, и тяжело вздохнув, добавила. — Ваша, навеки. — затем она неожиданно спросила. — Вы знаете, в городе произошло убийство.

— Нет. — ответил купец Шульц. — Я ночью приехал из Гомеля. — он сделал паузу. — В три часа ночи дома был. — затем он поинтересовался. — А кого убили? — Лидию Потаповну. — ответила Марья Потапова. — Говорят, что это дело взял на себя раскрыть сам Тимофей Кондратьевич. — она сделала паузу и иронично добавила. — Я удивлюсь, если он найдёт преступника. Говорят, что ему в помощь две женщины. — она сделала паузу. — И откуда они взялись — непонятно. — она снова сделала паузу. — Говорят, что давеча ураган был, так он этих женщин и принёс.

Фадей Павлович от души рассмеялся:

— Что за нелепость такая. — сказал он. — Чтобы ураган кого-либо принёс — нонсенс. Это, с позволения сказать, из области фантастики, нежели явь.

— Не знаю, как насчёт фантастики и яви, но слух идёт, что эти две, с позволения сказать, дамы прибыли к нам из воронки, которая была давеча в небе, — она сделала паузу, словно подбирая слова, которых у неё не было. Впрочем, как же быть, если непонятно было ли это или нет? Теперь хочешь — не хочешь, а слух о том, что в город из неба пришли две женщины, что было б по своей сути, что ни наесть чистым бредом, и этот слух до места скорби привёл тех, кто утверждал бы, что видел это, тот считался бы юродивым.

На что Фадей Павлович ответил:

— Сколько я не путешествовал по миру, я всё больше и больше убеждался, что так называемые юродивые — это люди в своём понимании гораздо рассудительнее здоровых людей. — он сделал паузу. — Тех людей, кого принимают за безумцев. — затем он сказал. — Безумцев праздных поём мы песни. (**Горький: «Безумцев храбрых поём мы песни»**). — Да-да, именно. — сказал он. — Безумцев праздных... — он, сделав паузу, пояснил. — Почти всех людей, с которыми я встречался в своих поездках — безумцы. Безумцы и гении одновременно. Это до иронии смешно. Смешно, если бы не было так грустно.

— Да. — согласилась Марья Потапова. — Что ни говори, — задумалась она, — безумие и гениальность порой неразделимы. — Марья Потапова задумалась. Она не знала, о чём и думать, и думать о чём-нибудь вообще. Всё, что произошло давеча, — это не что иное, как абсолютное безумие. Безумие, которое было предрешиено увиденным кем-то, кто видел нечто. Нечто в той воронки на небе, из которой по сей сути ничего ни должно было показаться. А вместо этого спустилось на землю. Спустилось нечто такое, что наподдаётся никакому объяснению. Две женщины, появившихся из неё и оказавшиеся на земле. Возможно, они пересекли

пространство и время, а может быть, они с другой планеты, из другой галактике, а может быть, и из параллельной вселенной. — Всё странно это, не правда ли? Женщины из неба, из воронки, это нонсенс.

Возможно, Марья Потапова права, и всё это не более чем больная фантазия человеческого разума, — его человеческого безумия. Безумия праздных наслаждений нейромедиаторов головного мозга, — гормонов счастья человека.

— Человек счастлив в достатке. — сказал Фадей Павлович. — Если человек беден и считает себя счастливым, то он просто занимается самообманом. — Счастья не только в деньгах. — заметила Марья Потапова. — Счастье в самом образе жизни человека. Если он в жизни занимается ни тем, чем хочет, то он несчастен.

— Это только часть счастья. — сказал Фадей Павлович. — Чтобы быть счастливым по-настоящему надо любить свой дом. — он сделал паузу в своих размышлениях, и продолжив говорить, сказал следующее. — Но это ещё не всё. Кое-что ещё надо человеку для счастья. — он сделал паузу и однозначно сказал. — Это деньги. Деньги дают абсолютную власть над миром, и кто их имеет, и имеет власть, тот счастлив.

— Может он счастлив. — согласилась Марья Потапова, и тут же возразила. — Но он беден. Ведь тот, кто счастлив в счастье денег несчастен он, хотя не понимает этого. Я согласна, деньги нужны вдоволь. Но когда их слишком много и некуда их девать, то жизнь принимает бессмысленный оборот. Человек чахнет в них, умирает. Умирает в одиночестве, наедине со своими друзьями, которые счастья не принесли. — она сделала паузу и тихо добавила. — Одно лишь только разочарование.

— К чему Вы это?

— Родион Кузьмич также хочет счастье, которое по его мнению могут дать ему только деньги. — сказала Марья Потапова. — Но он ошибается. — сказала она. — Его жадность доведёт его до беды.

Кто-то постучал в ворота.

— Кто это ещё там пожаловал? — проворчал недовольный Фадей Павлович тем, что их беседу с Марьей Потаповой прервали. — Неужели кому-то понадобился купец Шульц, — ворчал он, — и зачем?

В нас нуждаются, когда мы этого не желаем, и мы нуждаемся в ком-то когда этот человек совсем не ждёт, когда у него попросят помощи. Кто знает, когда это произойдёт? Может быть, помощь будут просить постоянно, а возможно никогда. Так же как помощь некоторые дают всё время — бескорыстно и никогда — ни одной копейки.

Кто пришёл к купцу Фадею Павлович? Что от него кто-то что-то хотел, и хотел ли вообще что-нибудь. Купец первой гильдии Шульц не, знал кто стучал в его калитку? И только услышав из-за заборной Калитки до боле знакомого голоса провинциального секретаря: Тимофей Кондратьевич. Он крикнул. — Фадей Павлович, Вы дома! Это Тимофей Кондратьевич. Мне надо с Вами поговорить.

— Чёрт возьми. — выругалась Марья Потапова. — Что за нелёгкая его принесло? — затем она словно в панике сказала. — Меня он видеть не должен.

— Хорошо. — сказал Фадей Павлович. — Он Вас не увидит. — затем он сказал. — Выйдите через задний двор. — затем добавил. — Там никогда никого не бывает.

— Нет. — сказала Марья Потапова. — Это слишком опасно. — она сделала паузу и спросила разрешение спрятаться в доме, а он с Тимофеем Кондратьевичем будет иметь беседу на участке.

— Хорошо. — одобрительно сказал Шульц. — Идите в дом, я его в дом не пущу. — заверил Фадей Павлович Марью Потапову и пошёл открывать калитку, а Марья Потапова направилась в дом. — Иду-иду. — сказал он, выказывая своё раздражение. — Чёрт побери, кричать-то зачем? — открывая калитку, кряхтел он. — Вот уже открыл. — Здравствуйте, Тимофей Кон-

дятьевич. — поздоровался он с ним, и, увидев пришедших с ним двух женщин, поздоровался с ними тоже.

– Разрешите представить, Ефимия Иннокентьевна, Ира. — он сделала паузу. — Разрешите представить, купец первой гильдии Фадей Павлович Шульц.

Женщины протянули ему по очереди свои руки ладонями вниз, и тот, взяв по очереди их кисти рук, поцеловав их, сказал, что ему очень приятно познакомиться. Женщины также ответили, что им приятно познакомиться с ним.

– Заходите. — сказал он, и тотчас же поинтересовался. — Извините, что не приглашаю в дом. — сказал он пришедшим. — Я только что из Гомеля прибыл, где был по неотложным делам, — он сделал паузу, — так что Вы сами понимаете... — затем он, сделав паузу, поинтересовался. — Чем обязан?

– Вы приехали из Гомеля вчера?

– Нет. — ответил Фадей Павлович спрашиваемого его Тимофей Кондратьевича. — Я приехал не вчера, а сегодня ночью. — он сделал паузу и сказал. — Когда я приехал луна уже вошла и звёзды мерцали на небосклоне небесного пространства. — он сделал паузу. — Когда я вошёл в дом, на часах уже было три часа ночи. Мы с моим кучером даже карету оставили до утра разгружать, так и уснули.

Не поняв, что Фадей Павлович, что хотел сказать последней фразой, поинтересовался:

– Это как так и уснули? — затем он потребовал объяснений. — Где именно Вы уснули? — Была ночь. — сказал Фадей Павлович. Затем добавил. — Кучер ночевал в дворницкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.